

Император
Георгий
Книга третья

О.Касаткин
**Корона и
венец**

аэтра нова

Мир императора Георгия

Олег Касаткин

Корона и венец

«Автор»

2019

Касаткин О.

Корона и венец / О. Касаткин — «Автор», 2019 — (Мир императора Георгия)

Великий князь Георгий Александрович не собирался становиться императором и даже не задумывался о престоле. Но история сделала внезапный поворот – и вот царь Александр III погиб – да и сам Георгий едва избежал смерти. И теперь ему на себе предстоит узнать – насколько тяжел царский венец – и как воистину неподъемно бремя власти. А еще – попытаться свернуть тысячелетнюю державу с гибельного пути. Но сколько же предстоит сделать – начиная от развития флота и внедрения бездымного пороха и заканчивая... Да нет – царские дела не заканчиваются никогда – разве только со смертью...

Содержание

Пролог	6
Часть первая	11
Часть вторая	21
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Олег Касаткин, Владимир Станкович

Мир императора Георгия.

Том III. Корона и венец

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ ГОСУДАРЬ!»

(Мир императора Георгия)

Третья книга цикла романов в жанре альтернативной истории – если можно сказать «чистой» альтернативой истории – без т. н «попаданцев», хронологических сдвигов и т.п

Сюжет связан с личностью сына императора Александра III великого князя Георгия Александровича (в реальности умершего от скоротечной формы туберкулеза в 1899 году).

По стилистике представляет собой классический исторический роман в духе В.Балашова, В.С Пикуля, О.Елисейевой, и т. п, а идейно и композиционно – весьма популярный литературный цикл Е. Красницкого «Отрок» (изд-во «Армада-альфа»)

Всего планируется порядка 10 книг.

Пролог

Приказ № 53Д – 3175 от 4 мая 1890 года

ПРИКАЗЫВАЮ:

Взять под особый контроль охранные мероприятия в г. Владимире и губернии в связи с предстоящими коронационным и свадебными торжествами И. И. В. В Предписываю оказать дворцовой полиции охраной службе полное содействие.

Министр внутренних дел
Плеве

* * *

Гатчина. Дворцовая церковь Царствующей Семьи

...Господь наш Иисус Христос, ключи царствия небесного апостолом вручивший, и давший им и их преемником власть вязати и решить грехи человеков, чрез мене, недостойного архиерея (иерея), прощает тя, чадо (имя рек), и разрешает от связания клятвенного или запрещения, и от всех грехов Твоих. И аз, данную мне от Него властью, присоединяю тя ко православней Церкви и привожду ко общению божественных Таинств церковных, и благословляю тя Именем Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь...

Дворцовая церковь во имя Святой и Живоначальной Троицы как знала Елена – была первым православным храмом в Гатчине.

Арочные проемы, декорированные лепниной, колонны белого мрамора, ажурная кованая решетка – все это, словно наполняя внутренний объем храма светом и воздухом, создавали неповторимое непередаваемое ощущение у привыкшей к полутьме католических храмов Елены. Как она знала церковь эту воздвигли сто двадцать с небольшим лет назад, когда начали строить первый Гатчинский замок для фаворита императрицы Екатерины – всесильного графа Орлова. Затем городок стал местом ссылки наследника Павла Петровича, а эта церковь – единственной в Гатчине и все ее жители были прихожанами – наравне с цесаревичем.

Церковь эта изначально была проста и небогата. Когда цесаревич Павел Петрович стал Павлом I церковь была тут же перестроена, щедро украшена и снабжена в изобилии драгоценной утварью.

Серебряные люстра, кадило, лампы, подсвечники – именно с тех времен.

Монарх лично изучал эскизы интерьера и лично утверждал назначенные к осуществлению переделки. Так появилось во храме царское место, новый иконостас, были расписаны стены и плафоны. А первым обрядом совершенным под ее куполом стали бракосочетание дочерей государя – Великой княжны Елены Павловны и Великой княжны Александры Павловны.

В 1799 году – последнем году прошлого века – в церкви поместили святыни Мальтийского ордена – одного из старейших католических орденов – Великим магистром которого был император всероссийский.

С тех времен сохранился вделанный на южной стене большой мальтийский крест из мрамора, как знак домового церкви великого магистра.

Потом дворец несколько раз перестраивали и храм тоже не избежал сей участи – но сохранил изначальное своеобразие.

Сейчас в церкви священнослужителей собралось еда ли не больше чем прихожан – были лишь члены Дома Романовых о главе с Марией Федоровной. Лишь императора не было – того ради которого она переменяет веру (что – то укололо её душу – не ревность и не обида, но что-то грустное). Царь Георгий был на маневрах в Западном крае – наглядно подтверждая сказанные Елене слова о том что главной его «женой» всегда останется корона Российской империи. Но не эта мысль беспокоила её – об ином Елена нет-нет да и задумывалась...

Вот и сейчас она смотрела на Великого Князя Сергея Александровича и его супругу...

О Великом Князе Сергее Александровиче говорили разное – даже в парижских газетах смаковали похождения «этого хама и педераста» живущего чуть ли не с кухонным мужиками и солдатами.

Как однако успела увидеть Елена – какими бы порокам он не страдал тайно – но это не мешало ему быть истово верующим человеком. Он регулярно посещал храм, часто исповедовался и причащался, соблюдал посты... Злословили – думает де откупиться от Бога за содомию. Хотя именно ему два года назад император Александр III поручил быть его представителем на освящении храма святой Марии Магдалины в Гефсиманском саду в Иерусалиме. Этот храм был построен на русские деньги Палестинским обществом.

А еще Сергей Александрович был супругом принцессы Элизе Дармштадской, дочери герцога Людвига, которая оставалась протестанткой. Елена ее видела на вчерашнем приеме – красивая какой то античной красотой мраморной статуи молодая женщина – разве что платье – с длинным широким галстуком на белой манишке – чем то напоминающее мундир – ей не шло. По законам Российской Империи Великая княгиня могла не менять своего вероисповедания. И втайне Елена была бы рада если бы... Но то на что имела право немецкая принцесса, выходя замуж за Великого князя – в том закон и обычай напрочь отказывали царице – и даже думать об этом смысла нет.

...Архиерей, одетый в мантию, епитрахиль, омофор митру и фелонь (как старательно она заучивала эти названия!), став близ церковных дверей, задал ей вопросы – о различиях между восточным и римско-латинским обрядом...

Елена – ежесекундно боясь сбиться ответила – без ошибок судя по тому что священник выглядел довольным.

При этом еще рассматривая облачение батюшки – из серебряного глазета с малиновыми бархатными кругами и крестами с оплечьями, вышитыми серебром по малиновому бархату – работа самой императрицы Марии Федоровны – прапрабабки ее жениха – жены императора Павла.

Потом была исповедь – та самая – в грехах «елики от юности своя память ствует».

Затем две послушницы отвели Елену ко входу в церковь.

Она растерялся среди сонма дьяконов, иподьяконов, протоиереев и архимандритов. Синодальные певчие надевали свои праздничные кафтаны малинового бархата с золотом, по покрою напоминающие боярские одежды с высокими воротниками – из исторических книг. Но вот два иподьякона в золотых глазетовых стихарях, опоясанных как португальцы ораями, отодвинули тяжелую шелковую занавесь и разом раскрыли невысокие, широкие царские врата.

Служка взмахнул кадиллом и архиерей спросил:

– Веруеши ли, и како, во Единого Бога, в Троице славимаго, и поклоняешися ли Ему?

– Верую во Единого Бога, в Троице славимаго, Отца и Сына и Святаго Духа, и поклоняюся Ему.

– Хошеши ли отрещися от погрешений и неправостей римско-латинскаго исповедания? – последовал вопрос.

– **Хо-чу**, – вымолвила она

– Хощеши ли приити в соединение веры православно-кафолическия? – важно продолжил он

– **Хо-чу.**

Отступаеши ли от согласия с теми, иже римскаго папу мнят выше быти

Вселенских Соборов и непогрешима?

– Отступаю от такого мнения – с готовностью согласилась принцесса.

– Отрицаеши ли прочих учений латинскаго вероисповедания, древних и новых, яже слову Божию, истинному Преданию Церковному и определениям Седми вселенских Соборов противна суть?

Отрицаюся.

– Желаеши ли убо соединитися Святей, Православней, Кафоличестей, Восточней Церкви? – прешел архиерей к главному.

– Желаю от всего моего сердца.

... – Веруеши ли, яко душам преставльшихся не огонь чистилищный что пользует, иже не существует, но великую ослабу и отраду приносят милостыни и молитвы за них, наипаче же Бескровная Жертва?

Верую и приемлю.

Исповедуеши ли, яко Церкви Православно-Кафоличестей Глава есть Господь наш Иисус Христос, и поставляемым от Духа Святаго пастырем обещаеши ли нелицемерное послушание?

Исповедую, и пастырем Церкви повиноваться обещаю.

Она истово поклонилась

– Чти символ веры, дитя...

По слогам, боясь ошибиться Елена начала

Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, Иже от Отца рожденнаго прежде всех век, Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша. Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с Небес, и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечивша. Распятаго же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша и погребенна. И воскресшаго в третий день по Писанием И восшедшаго на Небеса, и седяща одесную Отца. И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Егоже Царствию не будет конца И в Духа Святаго, Господа, Животворящаго, Иже от Отца исходящаго, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки. Во Едину Святуу Соборную и Апостольскую Церковь. Исповедую едино Крещение во оставление грехов. Чаю Воскресения мертвых и жизни будущаго века. Аминь!

«Сия вера истинная, Сия вера апостольская, Сия вера православная, Сия вера вселенную утверди», – древним напевом вывел ипподиакон по прочтении Символа веры.

Архиерей снял с себя клобук, мантию, панагию, четки и рясу. Служки споро унесли святое облачение, а пара диаконов берет благословение на кадило, и протодиакон возгласил: «Да возрадуется...».

– Благословляю дщерь моя – Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, Аминь.

Елена преклонила колени и батюшка возложил руку на ее голову

Господу помолимся!

Господи помилуй! Господи помилуй! Господи помилуй! – запел хор.

– Господи Боже истины, призри на рабу Твою Елену, ищущаго прибегнути ко святей Твоей православней Церкви и под кровом Ея сохранитися. Обрати его от заблуждения прежняго пути его ко истинной в Тебя вере, и подаждь ему благодать, еже ходить в заповедях Твоих... Да будут очи Твои взирающие на него милостию, и уши твои, еже слышати глас моле-

ния его, и тако да сопричитится ко избранному Твоему стаду... Твоя есть слава, Отца и Сына и Святаго Духа, во веки веков. Аминь! Аминь! Благословен Бог, просвещай всякого человека, грядущего в мир!

Архиерей подал Елене конец омофора

– Вниди в Церковь Православную, и совершенно отринув заблуждения, в них же был еси, чти Отца Вседержителя, Сына Его Иисуса Христа, и Духа Святаго, иже от Отца исходит, Троицу единосущную и нераздельную!!!

Храм наполнило молчание.

И вот, среди этой внезапно наступившей тишины, раздался громкий, наполнивший собою весь храм, голос архиерея.

– Боже, ущедри ны и благослови ны, просвети лице Твое на ны и помилуй ны: познати на земли путь Твой, во всех языцех спасение Твое. Да исповедятся Тебе людие, Боже: да исповедятся Тебе людие вси. Да возвеселятся и да возрадуются языцы: яко судиши людем правостию и языки на земли наставиши. Да исповедятся Тебе людие, Боже, да исповедятся Тебе людие вси. Земля даде плод свой: благослови ны, Боже Боже наш, благослови ны, Боже: и да убоятся Его вси концы земли.

Посли Дух Твой, и созиждутся, и обновиши лице Земли. Спаси раба Твоего, Боже мой, уповающего на Тя. Благодарим Тя, яко и сей рабе Твоей Елене возсиял еси свет познания Твоея истины, и сподобил еси его ко святей Твоей Православно-Кафоличестей Церкви прибегнути... Ты бо еси Бог милости и щедрот и человеколюбия, и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Завершив молитву он повелел – воистину *повелел*

– Восстань!!

Встав перед алтарем Елена произнесла втайне ужасаясь акцента:

– Веру православно-кафолическую, ныне добровольно исповедую, целую и ненарушимую даже до конечного моего издыхания, твердо содержать, и заповеди ея радетельно и радостно исполнять потщуся, соблюдая в непорочности, сколько мощно сердце мое. Во уверение сего моего обещания целую словеса и Крест Спасителя моего. И приложила губами сперва к кресту, а затем – к Евангелию – старинному в золотом окладе – дар Платона, архиепископа тверского.

– Аминь!!

Архиерей и все духовенство вышли из алтаря, и стали на громадном, покрытом алым сукном архиерейском амвоне среди храма.

Сонм прочего духовенства, с иконами в руках, стал двумя рядами, мало что не до самых царских дверей.

Елена знала их названия: небольшая икона Нерукотворенного Спаса в золотой оправе; образ апостола Павла и Марии Магдалины, поднесенный жителями Гатчины еще наследнику; образ Казанской Божией Матери, икона святого Александра Невского и святой Марии Магдалины в серебряной вызолоченной ризе; икона Богоматери-«Скоропослушницы» – икона эта была написана и посвящена на Афоне, в русском Пантелеймоновом монастыре; икона Господа Вседержителя, и Сергия Радонежского...

– Благословен Бог, хотяя всем человеком спастися и в разум истины приити, благословен во веки! – возгласил священник

– Аминь!. – возгласил клир в ответ.

– Аминь! – повторила православная христианка Елена Филипповна – пока что еще Орлеанская.

* * *

После завершения Святого Чина и Миропомазания Ея Высочеству было оставлено прежнее имя, но уже в честь святой праведной Елены – матери святого Константина Равноапостольного – также имя это во крещение носила Святая Равноапостольная Княгиня Ольга. Вдовствующая Государыня Мария Фиодоровна благословила свою будущую невестку драгоценной иконой Нерукотворного Спаса...

«Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости». 2 июня 1890 года

* * *

Торжественный чин Православия в маленькой придворной церкви Гатчинского дворца – когда я приобщилась к этой великой вере – произвел на меня громадное впечатление, оставшееся на всю жизнь. впоследствии мне приходилось присутствовать на торжественных богослужениях в разных местах... Но описанное богослужение по силе впечатления осталось у меня наиболее памятным, и доньне незабываемым. Могу теперь смело сказать, спустя уже почти шесть десятков лет, что именно тогда я полной грудью вдохнула то, что является русской православной верой, церковным преданием и русским духом. Им нельзя научиться по книгам или проповедям: их можно только воспринять сердцем и во всей полноте...

Елена Филипповна, Вдовствующая Императрица Всероссийская

«Мое жизнеописание»

Первая редакция, издательство «Голубь» Москва. 1951 год.

Часть первая

30 мая 1890 года. Брест-Литовск.

Георгий в мрачном молчании изучал доставленные этим утром фельдъегерем бумаги. Привез их курьерский поезд из столицы – куда доставил с Урала – из Екатеринбурга – только только началось прямое железнодорожное сообщение – и вот что привезли.

Судьба словно изощряясь в каверзах преподнесла трагический подарок к скорой свадьбе.

Губернские газеты с кричащими разворотами, отчеты и рапорта на орленой бумаге, картонки со снимками...

Все прошедшие почти два года каверзы и несчастья исходили от людей. Сейчас свое слово сказала стихия. Точнее – огонь.

В этот роковой для Невьянска день, 23 мая ничего не предвещало ужасного несчастья жителям, занимавшимся своими делами.

И вот ровно в полдень, как только куранты на Невьянской башне сыграли свою мелодию: недалеко от торговой площади, загорелась усадьба мещанина Савелия Чуфелина. Как потом выяснили, вспыхнула от недогляда и неосторожности олифа, которую варили в бане. Пламя моментально охватило все подворье и соседние дома. Ударил набат, но пока сбежался народ, пока привезли старенькие пожарные насосы, пылали уже полдюжины домов... Через какую-то четверть часа огонь охватил все окрестные улицы. В патриархальном заводском поселении тушили пожар обычно всем миром: били в набат, и на помощь погорельцам сбегались соседи не только из окрестных домов, но, бывало, и из соседних улиц, кто с багром, а кто с ведром. Может и удалось бы потушить, но ветер... проклятый ветер! В дело вступила городская пожарная команда, затем заводская... Тщетно – ветер усиливался, разнося пламя все дальше и дальше, а машины был ветхим и много раз уже чиненные. Бывало что из прохудившихся шлангов, больше выливалось воды наземь чем в огонь.

Видя тщетность усилий большинство жителей бросили тушить огонь – их теперь волновало лишь свое имущество. Началась паника. Вспыхивали все новые дома, из-за усиливающегося жара огонь охватывал их сразу, целиком, люди бросались в горящие дома, в надежде спасти хоть что-нибудь – и сами сгорали. Не успевшие убежать от огня, прятались в подвалы и погреба – чтобы сгореть или задохнуться.

Всего через два часа почти все левобережье Невьянского пруда было охвачено пламенем.

Настоящий огненный ураган метался над городком, поглощая все на своем пути. Жар, шум, треск, яростные вихри огня и черный, клубами, дым... Огненная стихия набирала силу, распространяясь и пожирая все, что было на её пути... Вся центральная часть городка обратилась в гигантский костер, простиравшийся в длину более чем на версту и в ширину на сотню сажен. Сгорела каменная староверческая церковь, горели торговые ряды, склады, лавки... Среди этого моря огня, в облаках черного дыма неколебимо высилась лишь Невьянская башня да белая громада собора...

Люди спасались бегством, но в раскаленной атмосфере вспыхивали одежда, волосы, вещи, которые люди пытались унести с собой. Через плотину и пруд люди бросились к Нагорной части завода. Вода почти кипела, у тех, кто находился в воде, вспыхивали волосы, плоты тлели. Сильный порыв ветра перебросил огонь через обширный пруд, – и запылала и Нагорная сторона Невьянска... Народ в ужасе стал разбегаться кто куда – за город, в поля... Брандмейстер Елифан Попов кажется единственный сохранил отвагу и твердость духа – все усилия городской пожарной команды бросил на спасение от огня плотины. Ибо если бы огонь ее уничтожил, то к пожару прибавилось бы еще наводнение, вал которого смел бы все ниже его по

течению Нейвы на много десятков верст... Но в других местах огонь был полновластным хозяином.

Возвышающаяся над Невьянским заводом гора Большая Лебяжка что на правом берегу Нейвы какое-то время оставалась нетронутой огнем. Но вскоре там запылали расположенные там склады древесного угля – несколько десятков тысяч коробов.

(Как уже выяснил Георгий – железо на древесном угле в России еще выплавляют. И дело не в отсталости и дешевизне леса. Сталь эта – марки «старый соболь» – высоко ценится за свою прочность.)

Короба пытались забросать землей, но хорошо просушенный уголь предназначался для доменных печей и столь жалкие меры ничего не дали – жар был настолько велик, что выжиг до корней траву и кустарник вокруг.

Жители нагорной части, находившиеся на пожаре, увидев, что запылали их собственные дома, бросились через плотину к себе. В этот момент сильный порыв ветра обрушил на плотину тяжелый деревянный заплот, придавив до смерти множество народу...

Только вызванные по еще не сгоревшему телеграфу из Екатеринбурга и Нижнего Тагила пожарные машины – среди которых был и отличный шведский самоходный паровой насос – спасли город от окончательной гибели в огне. Стих огонь только ближе к вечеру.

К тому времени в целости остались лишь северная часть города: менее тысячи домов.

В итоге более чем две трети Невьянска, сейчас являют собой гигантское пепелище, груды головней, закопченные остовы высоких печных труб, смятые листы обгорелого железа и пепел – один лишь пепел кругом... В пруду плавали обгорелые пожитки невянцев, бревна, перевернутые лодки и трупы утонувших и обожженных обывателей.

Тут же были фото изображавшее зрелище чудовищного опустошения: груды обгоревших бревен – все, что осталось от жилых домов, закопченные церкви и купеческие особняки, с искореженными листами железа на крыше. Еще прилагалась трагическая панорама обгорелого города снятая с Невьянской башни.

Ко всему этому прилагался сухой отчет пермского генерал-губернатор Василия Викторовича Лукошкова.

В нем были только цифры и факты – но они лучше чем любая патетика говорили что последствия бедствия поистине ужасны.

Почти две с лишним тысяч домов сгорели дотла, без малого семь с половиной тысяч человек остались без крова.

Сгорела лучшая часть Невьянска, почти со всеми каменными домами и всей его богатой торговлей, сгорело будущее торговли и благосостояние невянцев, а очень возможно, что и будущее самого завода.

Огонь не пощадил ничего и никого. В пламени сгнули запасы угля, продовольственные и мануфактурные товары. гостиный двор, деревянные лавки, каменные и деревянные церкви и часовни, больница, два начальных училища, здание волостного правления, заводская контора и архив, больница, родильный приют, школы, аптеки, здание суда... Сильно обгорела церковь Рождества Богородицы, а старообрядческая молельня сгорела дотла. Семь раз загорался каменный Спасо-Преображенский храм, но совместными усилиями прихожан под началом благочинного – отца Иоанна его отстояли.

Тысячи людей остались без крова и пищи. Число погибших с точностью не установлено, но почти каждая семья лишилась кого-то из своих родных... Сотни людей получили ожоги и увечья – и один Бог знает сколько из них выживут.

В донесении генерал-губернатор не обошел и поведение своих подчиненных. Начальник Невьянского стана (губерния делась не на уезды, а на станы по какому то административному капризу) Казубин, предоставляя все как говориться на волю Божью, сбежал сам и увел всех своих подчиненных – спасать свое имущество и усадьбу.

(Тут Георгий не выдержал и сквозь зубы выдал одно короткое русское слово из тех каким в гимназии не учат.)

...Сразу после пожара был создан комитет помощи погорельцам под началом тамошнего земского врача Александра Архиповича Дементьева. В его состав вошли невьянские купцы, торговцы и заводские служащие.

Уже на другой день после пожара в Екатеринбург была отправлена телеграмма с просьбой о помощи: «Хлеб необходим, скупите сколько можно и шлите скорее, сегодня другой день голодаем, хлеба нужно четыреста пудов в день».

Эта телеграмма тоже приложена к отчетам. Губернатор решил обратиться непосредственно к монарху – должно быть увиденное им лично (Лукошков не преминул явиться на место происшествия) так на старика подействовало.

А все бумаги целиком лежали грудой как бы придавив карты района маневров с синими и красным прямоугольникам и донесения...

Да «означенный противник» побеждался... Как там будет в дни неизбежной войны?

Но это пока подождет – те несколько часов что он будет улаживать невьянское происшествие...

Года три назад во «Всемирном следопыте» тогда еще великий князь прочел заметку о том как в Североамериканских Штатах используют телеграф – необыкновенно распространенный в этой стране. Телеграфисты в нерабочее время общались по всей линии, на языке азбуки Морзе. Болтали; обсуждали новости, рассказывали анекдоты, читали стихи (sic!) и играли в шахматы...

Для многих телеграфистов, особенно в захолустье такое общение становилось даже важнее чем разговоры с живыми людьми. «По проводам» завязывалась дружба, а случалось и романы – благо женщин среди американских телеграфистов было немало. Иногда даже браки заключались по проводам. Жених мог быть в одном городе, а невеста – в другом... Телеграфисты остальных станций этой же линии были заранее приглашены на свадьбу и внимательно слушали обряд бракосочетания, состоящий из точек и тире. Жених и невеста лично брались за ключ, чтобы сказать «да». Мда – до такого на святой Руси дай Бог не дойдет – но вот управлять министрами по телеграфу ему приходится. Он запросил сановников насчет соображений касательно происшедшего.

Почему то самым первым отбил депешу Победоносцев.

«Ваше Императорское величество!! Я распорядился отслужить молебен и панихиду о погибших! Также послана передвижная церковь вагон с Екатеринбургской дороги. Также Синод озаботиться выделением нужной суммы на восстановление сгоревших церквей.»

Император уже набросал ответ.

«Этого недостаточно!

Синоду следует также выделить средства на восстановление домов и усадеб причта и особо – приходских школ.

Также было бы весьма неплохо если бы нашлись и средства и на нужды лишившихся крова мирян.»

Он уже хотел бросить листок на поднос как вдруг ему в голову пришла еще одна мысль.

«Полагаю также было бы очень хорошо если бы великие храмы Санкт-Петербурга выделили бы часть имеющихся у них денег на вспомоществование Невьянску. Может быть даже объять особый добровольный сбор с прихожан – наиболее щедрым жертвователям с Нашей стороны будет выдано благодарственное письмо»

Телеграмма оказалась в руках лейб-казака – чтобы через считанные минуты уйти в столицу.

А Георгий углубился в принесенные конвойцем телеграммы.

Министр имуществ...

«В.И.В! Из первоочередных мер как полагаю следует бесплатно выделить погорельцам нужное количество строевого леса из дачи Камышловского уезда Пермской губернии», – сообщал Островский.

Однако – похвалил Георгий. Делово и без промедления. А не юноша ведь – старый бюрократ.

«К исполнению» – коротко чиркнул он на бланке.

Так – а что министр внутренних дел?

«Государь – я готов немедленно отдать распоряжение выделить из особого фонда Министерства внутренних дел властям Пермской губернии на пособие пострадавшим от пожаров средства для распределения сих денег между наиболее нуждающимися обывателями. Полагаю что мы могли бы немедленно ассигновать семь тысяч рублей.»

Георгий поморщился.

«Видимо произошла ошибка и цифра была семьдесят тысяч – кроме того надлежит восстановить из средств министерства казенные учреждения города» – такова была резолюция. И через пару секунд дописал. «Полагаю правильным было бы достойно наградить брандмейстера Попова.»

На этом он закончил – явился государственный секретарь. К этому моменту в голову императору пришла одна мысль.

– Господин Половцев, а кто собственно владеет Невьянским заводом?

– Ваше Величество – я сразу не готов ответить сколь-нибудь подробно, но помню по одному из сенатских дел касающихся уральского горнозаводского промысла что владеет им товарищество петербургских промышленников из числа владельцев Верхне-Исетского горнозаводского имения – граф Стенбок – Фомор, графиня Гудович и еще ряд людей.

– Подготовьте пожалуйста к сегодняшнему вечеру подробную справку... И... свяжитесь с господином Витте.

Напоследок он написал еще одну телеграмму – Пермскому генерал-губернатору.

«Г-н Лукошков! Прошу самым тщательным образом разобраться в деле с возмутительным поступком бывшего начальника Невьянского стана Карзубина. Если он виновен – прошу... Зачеркнул и написал «требую» чтобы сей субъект был наказан по всей строгости закона».

* * *

Следующим предполагался доклад Кауфмана – тот просил принять его по срочному делу. Начальник охраны был как всегда серьезен и озабочен. Но на этот раз более чем обычно – похоже дело было неприятное.

– Государь, – начал он. Мне весьма огорчительно говорить об этом – ибо дело касается заслуженного человека и военачальника. Но мой долг повелевает сообщить ставшие мне известными по случаю сведения.

– Объясните, Александр Александрович... У Георгия даже промелькнуло некое раздражение – тут бедствие невянское – с ним бы разобраться...

Бывший конноартиллерист уложился в пять минут.

Кауфман как знал Георгий изучал старые дела разнообразных нигилистов – всё старался найти способ улучшить монаршую охрану. И наткнулся на донесение жандармского управления покойному графу Толстому аж от марта одна тысяча восемьсот восемьдесят четвертого года.

«...Майором Тихоцким велись в Петербурге беседы на политические темы с генералом Драгомировым, занимающим пост начальника Николаевской академии Генерального штаба. Разговоры эти, которые касались между прочим вопроса о задачах военной революционной

организации, Драгомиров заключил, по словам Тихоцкого, следующей дословной фразой: «Что же, господа, если будете иметь успех – я ваш».

– Кто этот майор? – вымолвил Георгий несколько раз перечитав бумагу. Распорядитесь немедленно выяснить и доставить в Петербург! (Он сейчас подполковник, а то и полковник.).

– Это я сделал в первую очередь Ваше Величество. Только сегодня утром пришел ответ из Генерального Штаба. Майор Тихоцкий, Ардальон Вениаминович, скоропостижно скончался в августе того же года в Пензе – на пути к новому месту службы в Тифлисскую губернию.

Георгий молча кивнул отчего-то вспомнив что у «вольных каменщиков» по слухам был обычай – «заснувшего» – сиречь без разрешения отошедшего от дел либо уличенного в неповиновении брата травили ядом не оставлявшим следов.

– И что вы думаете об этом – господин полковник? – сухо и негромко спросил царь

– Ваше Величество – я хотя и был тогда лишь выпущен в гвардию подпоручиком – и многого знать не мог. Но из разговоров старших товарищей по службе мне известно, что еще со времен русско-турецкой войны его превосходительство Драгомиров был одним из наиболее близких к генералу Скобелеву людей из числа высших офицеров русской армии. Мне встречалось мнение что... господин Скобелев уважал и любил Драгомирова, насколько мог уважать и любить кого-либо. Эти чувства видимо были взаимными. И мог истолковать обстоятельства кончины Михаил Николаевича... превратно... – Хотите сказать что он считает виновными в смерти своего начальника... высшую власть?

– Нет, Ваше Величество... – Кауфман как понял Георгий колебался какой то миг. Не только. Я не могу утверждать с точностью, но я полагаю что возможно Драгомиров был посвящен в *некоторые планы* генерала... Простите Государь – больше мне нечего добавить. Пока нечего. Я не привык огульно обвинять кого бы то и было – тем более столь заслуженных людей.

– Хорошо. Вызовите Драгомирова в Петербург срочной телеграммой. Сейчас же! – добавил он. Нет, – постоит – не сейчас. Сперва нужно подготовить приказ о переподчинении генерал-губернаторства Клейгельсу. Хотя нет – и этого мало – свяжитесь с Плеве: пусть мне доставят все бумаги касающиеся Скобелева и Драгомирова – с фельдъегерем и не позднее завтрашнего дня. Все бумаги! – веско добавил он.

* * *

Хочется коснуться темы рабочего дня Его Величества... После завтрака начиналась ежедневная работа. Первым к Государю заходил Половцев, который приносил поступавшие на его имя письма и бумаги. Затем следовал доклад вызванных им особо людей, и, наконец, в кабинет по очереди допускались посетители согласно записи в журнале.

По отпуске последних, монарх нередко сидел в кабинете в одиночестве размышляя о делах.

Что в это время созревало в его уме, оставалось лишь гадать – но затем он вызывал сановников и отдавал приказания.

Как бы то ни было – император Георгий никогда не принимал скороспелых решений и не делал опрометчивых шагов.

Иван Басалаго «Адмиралтейство и дворец». Москва. 1949 год.

* * *

Санкт-Петербург.

«Кто же спроворил дело?» – напряженно думал Витте. Бунге? Не в немецком однако духе интрига – там все более прямолинейно да бумагами... Если это мина против него – то подведена кем то искусным в действиях из за угла... Хотя – наш старец трех императорам послужил – мог и выучится...

Наверное все же не стоило с ним ссорится из за устава и тарифов.

А может быть не стоит искать подоплеки? Царь его испытывает – справится ли министр с делом срочным – не с задуманным, а с проблемой внезапно возникшей? Или просто свалил дело на первого попавшегося – или того кто на виду.

Ладно – праздные мысли в сторону: сейчас ему предстоит общаться с волками и гиенами – точнее с хозяевами Невьянского завода. Те уже ожидал в Малом зале совещаний Министерства – приглашения доставили казенные курьеры.

Войдя Витте неразборчиво поздоровался, и сел во главе стола. Пробежал взглядом по лицам собравшихся.

Графиня Софья Гендрикова, княгиня Безобразова и граф Стенбок-Фермор; тайный советник Константин Васильевич Рукавишников. С ними – полковник по адмиралтейству Николай Ричардович Трувеллер, командир 18-го Флотского экипажа, и графиня графиня Гудович – внучка фельдмаршала.

Все в сборе.

– Господа – все вы знаете о невянском несчастье – не трата время на приветствия и условности начал он (это в конце концов не светский прием – они вызваны сюда по делу). И Государь наш поручил мне как можно скорее исправить содеявшуюся беду. И кому как не вам – людям которые должны быть кровно заинтересованы в благополучии Невьянска и округи помочь обывателям. Первой от чего-то заговорила мадам Гендрикова...

– Мы готовы сделать все что в наших силах! – проникновенно начала она. Но... Есть так сказать объективные обстоятельства. Железодельные заводы работают почти в убыток; торговля металлом в застое, фабричное хозяйство устаревшее – а на обновление в свою очередь же нет средств... Графиня щебетала – Витте кивал вроде как соглашаясь. Он само собой знал что из-за хищнического истребления лесов в своей даче завод начал сокращать свое производство чуть ли не с начала этого века. Не помогло даже строительство железной дороги – именно через Невьянск прошел первый большой рельсовый путь на Урале – Екатеринбург – Кушва.

Однако все эти стенания и плачь на реках Вавилонских могли обмануть какого – то столоничальника с живым делом не сталкивавшегося. А вот Витте по опыту знал – если предприятие – хоть большой завод хоть мелочная лавка – невыгодно – то оно ликвидируется. А если оно существует – то сколько бы купчина не жаловался на подступающее разорение – сколь бы не плакался что вот-вот с домочадцами на паперть пойдет – значит всего лишь прибудняется думая разжалобить и срубить с простака лишнюю копейку. А дело было изрядное – одних железных рудников пять – Высоковский, Мироновский, Староборский, Шуралинский. А еще и медные рудники – Горленский и Фельковский. А было еще кое что – а именно – золото. Золотые прииски – и не один и не два. Абросимовский Быньговские 1-й и 2-й Илимский, Коневской, Нейво-Ключевский, Николаевский, Сухологовский... Да и сам город стоит фактически на золоте. Он чуть улыбнулся уголками губ. Или почтенные дамы и господа думают, будто Витте не слышал что Невьянск называли «золотым дном Урала»? Даже и в самом-то городе украдкой в погребах роются ища жилы и самородки...

Думая так он изучал собравшихся мысленно делая пометки...

Софья Петровна Гендрикова сейчас с очаровательной улыбкой говорящая что-то жеманное. Урожденная Гагарина. В родстве со Стенбок-Ферморами и Гудовичами. Ничего из себя не являет – если не считать титула и денег.

Волков Александр Сергеевич – нестарый, но уже обрюзгший – явно обжора. Гофмейстер...

Птица не такого высокого полета если по совести. Да только вот матушка его Елена Николаевна Манзей – сестра Константина Николаевича Манзея – генерал-адъютанта и генерала от кавалерии. Брат – егермейстер двора и действительный статский (женат кстати на кухне). А батюшка – Сергей Иванович – член Военного совета и генерал от инфантерии – хоть и в отставке... А в довершении – директор Горного Института в Санкт-Петербурге... Для того и держат таких в правлениях обществ и банков – ради связей.

А вот граф Владимир Александрович Стенбок-Фермор – тот ясно познатнее будет. Доля у него в Невьянских делах не так и велика – да если посчитать все акции уральских заводов выйдет, что у него чуть ли не половина Урала в кармане. А еще – родня графу Воронцову-Дашкову, министру двора, и генерал-адъютанту Мейндорфу. А еще – тетки – фрейлины – одна замужем за графом Капнистом другая за князем Егальчевым... И жена – фрейлина двора и урожденная графиня Апраксина... И тетка тут же – урожденная Стейнбок-Фермор – Надежда Васильевна Безобразова – жена бывшего заведующего хозяйственной частью Императорской охоты. Из *тех самых* Безобразовых – не шутка! Другая тетка – княгиня Наталья Барятинская – дочь двоюродного деда Владимира Александровича – Александра Ивановича Стенбор-Фермора – и тоже член правления. Но она отсутствует – в Крыму в имениях... Оно к лучшему – и без того тут слишком много этого семейства!

Витте печально вздохнул про себя... Столпы общества, сплетенные браками и ветвями родословного древа – та самая «камарилья» во всей так сказать красе. Ежели вместе навалятся на него – тяжело будет! Не ошибиться бы... Но это ладно – с Дашковым он положим договориться хотя к Барятинским подходов у его нет...

Другой человек – темный и непонятный беспокоил отчего-то больше... Оттого ли что в этом собрании аристократов высокой пробы ему как бы и не место? Господин Рукавишников... На вид – типичный купец первой гильдии – солидный господин крепкого телосложения, с аккуратной бородой и цепким прищуром глаз...

Его отец – Василий Никитич, издавна занимался золотым промыслом в тех краях – а промысел сей на Урале (да и везде наверное) шел рука об руку с тайными делишками и воровскими затеями. И именно раскольники в сих темных материях играли первую скрипку. Еще с крепостных времен – когда иной внешне невидный заводской мужик был с какого-то боку важнее управляющего – и иногда не уразумевший сего управляющий гибнул под неожиданным обвалом, осматривая шахту – а то и исчезал как и не было.

Сам Константин Васильевич был человеком как будто совсем иного склада чем старые кержаки. Закончил казанскую гимназию, а затем физико-математический факультет Московского университета и юридический факультет Петербургского университета. Не совсем обычно даже для «серого» купечества.

Богач и благотворитель – и щедрый – недавно пожертвовал дом, участок и шесть десятков с лишним тысяч рублей на устройство лечебницы.

Единственный в этом собрании светских дам господ горнозаводчик и делец... Технический директор? Только ли? А может статья – мозг всего предприятия и его главный приводной ремень?

Он долго служил в Сенате, имеет высокий чин тайного советника. По случаю пожалования ордена Св. Владимира получил дворянство – уже десять лет как.

Старообрядец – богач сделавший чиновную карьеру... Тут бы умилиться – мол всякая душа Бога хвалит и даже старовер верноподданствует.

Да только вот это может обмануть журналиста из «Нового времени» или Льва Толстого кой даже убоину не вкушает ибо коров и свиней жалеет. А Витте видел в жизни кое-что помимо раутов и канцелярий. Знает и о крещенных евреях, что секретным образом вели дела кагалов – не один южнорусский помещик оказался разорен такими. И о тайных раскольниках, делавших то же самое – тоже знает...

– Сергей Юльевич, голубчик! – воскликнула между тем графиня Гудович – молодая пухленькая особа в ожерелье отборного черного жемчуга – отвлекая его от мыслей о Рукавишникове... Я до глубины души сочувствую несчастеньким. Но поймите и наше положение...

«Какой я тебе голубчик – курва мать!» – Витте еле сдержал брань. Но сдержал – графиня то – положим сама по себе лишь глупая курица – но он знает как и какие делаются дела в салонах таких графинь и баронесс. И знает куда и сколько тянется ниточек от них... Тут даже солидный шмель или шершень в министерских позументах запутается в этой как будто тонкой паутинке – и угодит на обед к восьминогим строителям сети. Поэтому не будем поднимать скандал – сейчас нужно выполнить царское поручение – а там даст Бог настает время – по одиночке передадим всех пауков (мимолетный взгляд на Рукавишникова) с паучихами!

За графиней встал Трувелер – и как то не по-армейски и уж точно не по-флотски замямлил что правление завода и Исетского горного округа рассматривает вопрос: ссудить погорельцев – мастеровых в счет будущего заработка и даже продать им в долг еду одежду и прочие припасы... Витте не сдержал едкой ухмылки.

Знаем – а как же – с! И помощь эта будет такова и по таким расценкам что бедолаги останутся должны чуть не по гроб жизни как говорят в Одессе. – Сударь – не особо вежливо оборвал он полковника. Тут не о деталях речь идет... Думаю что все присутствующие понимают – наш долг как верноподданных употребить все силы дабы Их Императорское Величество в свой будущий визит – оный как мне изволили сообщить состоится осенью – увидел что город отстроен хотя бы в основном – и остались довольны положением. Ибо недовольство Государя как все наверное не забыли – может иметь самые печальные последствия. Господа – я напому – позволю себе напомнить вам что Невьянские заводы стоят на казенных землях соответствующих горных дач – и если окажется что частновладельческие интересы мешают использовать эти земли согласно правил, а деятельность происходит с нарушением государственных установлений...

Впрочем это особый разговор – он насладился оторопью на лицах высокого собрания. Пока же я бы хотел чтобы вы прониклись серьезностью обстоятельств дела... Жду что комиссии господина Дементьева и – секундная пауза... властям, что в самое ближайшее время займутся организацией помощи жертвам вы окажете самое доброжелательное содействие.

Он обвел взглядом этих господ еле удерживаясь от ухмылки. Похоже таки проняло. Сейчас министр им ясно дал понять – думать о нем как о *персоне* – они могут что угодно. Но он не только министр – а еще и царский милостник и прямой исполнитель монаршей воли, а они – они при всей своей знатности – лишь одни из многих. Знатнее их тоже есть...

И еще – что сейчас они в одной лодке и если затеют топить Витте – тот заберет и их с собой на дно. Уж на это его сил достает – будьте покойны!

Отпустив сконфуженных членов правления Витте почти сразу принял своего товарища министра – Кривошеина. Свежеиспеченный товарищ министра уже обратил на себя внимание начальника. И не деловыми успехами стоит отметить, а гешефтами. В свете говорили что дескать им самим заключалась сделка на шпалы Рыбинско-Бологовской дороги, которые были даны господину Струкову, его зятю – за дорогую цену. У Кривошеина была цель – утилизировать свои лесные дачи, которые он отдал жуликоватым подрядчикам в аренду, чтобы они оттуда поставлял дрова на железные дороги... Совесть у лиц, у власти стоящих, по нынешнему времени очень эластична, и они легко входят с ней в соглашение. Впрочем – кто без греха-с...

– Мне поступило высочайшее распоряжение – организовать оказание помощи жертвам Невьянского пожара, – без дальних слов сообщил он.

– Да разумеется Сергей Юльевич – я осведомлен – ужасное известие... – с подобающей скорбью отвечивал Аполлон Константинович.

– Так вот – непосредственное исполнение этого дела я решил возложить на вас. Как на знатока лесных дел – чуть не добавил он. Там немало работы по нашему ведомству – перевозка

грузов для строительства, поставки хлеба – ведь дорога до Екатеринбурга то еще толком в строй не ведена, а тамошняя недалеко ушла от горнозаводской узкоколейки. Да вообще догляд государственного человека необходим в этом деле...

Сейчас, господа Кривошеин я не могу отвлечься от подготовки к торжествам во Владимире. Но я намерен сразу после их окончания посетить Невьянск и окрестности – как только такая возможность появится. Тем паче это необходимо из за вопросов связанных с будущим сибирским путем. Я надеюсь что не буду разочарован.

Думаю дела касающиеся лесных концессий могут подождать, – как бы между прочим бросил он. И напоминаю – это поручение *Государя* и от того как я и вы его выполните зависит и отношение к нам нашего обожаемого монарха.

Когда Кривошеин с поклоном вышел Сергей Юльевич позволил себе усмехнуться. «Вот вы у меня где!» – сжал он внушительный кулак. Не на того напали! А завтра у Бунге собиралось совещание – кроме его там будут Плева, Победоносцев и министр государственных имуществ Островский – все о том же – обсудить помощь невянским погорельцам. И он уже кое что подготовил...

* * *

Извлечение из Указа Е.И.В. от 30 мая 1890 года

«Объявляем об открытии с 10 июня сего года по всей империи Российской сбора пожертвований в пользу пострадавших от пожара в г. Невьянске 23 мая сроком на один год. Поручаем Министерству Финансов организовать прием средств от частных лиц обществ распоряжением властей Российской империи и их направление в распоряжение особого комитета.

...Оплатить вырубку и транспортировку леса по железной дороге из собранных средств комитета...

...Министерству Путей Сообщения выделить 2000 вагонов управления Уральской железной дороги по льготной оплате: 2 копейки за вагон-версту для перевозки леса в Невьянск...

* * *

Ресторан «Палкинъ» был не самым лучшим в Петербурге, но что безусловно из числа лучших. Тут отдыхала довольно богатая публика, яства и вина были роскошны, а оркестр – отменно сыгран. Чтоб чад с кухни не беспокоил гостей ее разместили на верхних этажах, а блюда подавали в зал особым лифтом – прямо как в Гатчине.

Тут обычно гуляла публика двух разрядов «серые» (приобретшие европейский лоск) купцы и артистическая божественная публика, журналисты и адвокаты с прочей «свободной профессией» – денежные само собой. С недавних пор к ним присоединились чиновники либеральных взглядов.

Вдали от глаз общества они могли спокойно посибаритствовать.

Кто заказывал паюсную икру футами, да водки, да блинов, кто расстегаев да поросенка с гречневой кашей кто – пулярку и «Вдову Клико», непременно в серебряном ведерке.

Первых привлекала отменная русская кухня – известное дело: коренными русскими блюдами не накормит никто лучше Палкина. Что до вторых – то тем видимо доставляло тайное удовольствие отдающее крамолой название – напоминающее об обидном прозвище грозного государя Николая Павловича (и даже самый строгий полицмейстер не придерется – ибо владеет заведением уже сотню с лишним лет династия купцов Палкиных)

И при нынешнем владельце – Павле Константиновиче Палкине все было как при предках: половые, в кумачовых рубахах, «очищенная» в графинчиках на столах, знаменитые кислые щи,

выловленная при гостях из чана отменная стерлядь. Вечерам выступал голосистый цыганский хор, а днем – русский оркестр балалаечников под который певец исполнял то «Лучинушку» то «Дубинушку».

...Они сидели за столом с кроликом, фаршированным лисичками, боком копченого осетра и рябчиком.

Кауфман впервые за много лет облачился в партикулярное – но тут уж ничего не поделаешь – служба такая.

Евгений Иванович одет был в поддевку немецкого покроя, с бабочкой и манишкой.

С желчной ухмылкой полковник отметил что государева служба пошла бывшему смутьяну на пользу. Он отъелся, сменил гардероб, и устроился литературным сотрудником в журнал «Русский спорт».

– Я хотел встретиться с вами чтобы обсудить вашу работу... – начал царский телохранитель когда они отдали должное грибам и осетрине. Как вы знаете впереди у России большие торжества. Так что нужен глаз да глаз... – он сделал паузу. Глаз да глаз!

– Александр Александрович – я... – перебил его Козлов, – что касается моих обязанностей – то я мог бы в качестве корреспондента явиться во Владимир и так сказать свежим взглядом ознакомиться с мерами безопасности... (В своем новом качестве Козлов уже дал несколько довольно дельных советов – например что кареты Императорского выезда не вредно иногда пускать по улицам пустыми, но с конным сопровождением – чтоб сбить с току возможных бомбистов)

– Нет – покачал головой Кауфман – уж простите, но ваш листок не столь значим – и корреспондент из него будет смотреться на коронации как белая ворона. Или даже – как белый слон, – вспомнил он старую сиамскую легенду. Вы мне пока нужны в Петербурге.

Вот что – прямо завтра вы сходите в лавку к старьевщику и найдете приличное – пусть и не новое – приказчиье платье. В нем вы отправитесь вот в эти трактиры – он пододвинул исчерканный карандашом листок.

В них собираются и приводят так сказать досуги дворцовые служители. Само собой не камергеры, – ослабившись уточнил он.

Потолкайтесь там, послушайте, что народ говорит. Угостите людей – не на большие деньги – пивом там, рислингом – нет рислингом не надо – лучше «беленькой». К разным винам они привыкли – а вот водки во дворце не вдруг същешь.

Ну и там вообще – так сказать определитесь на местности, по-военному говоря.

Если пристанут к вам с вопросами – мол кто и откуда и что ищешь, мил человек, скажите что вы бывший управляющий... ну допустим графа Зарембы-Пулавского... – Нет – решительно покачал Кауфман головой – это как-то уж очень опереточно звучит – а наш дворцовый слуга может и не учен да в титулах разбирается. Пусть будет – графов Белинских. Ну да, Евгений Иванович – перехватил он удивленный взгляд собеседника – есть такой графский дом, – но к *вашему* Белинскому он отношения не имеет ровно никакого, слава Богу! Так вот – вы отставной графский управляющий, а теперь задумали создать контору для набора прислуги для приличных домов. Говорите, спрашивайте.

И слушайте. *Внимательно* слушайте. Кто жизнью недоволен, кто царя не дай Бог поругивает, кто пропился и за грош удавится. Если кто то захочет к вам на службу – спросите – чем мол опротивела царская – и в книжечку запишите. Потом мне представите – с именами да должностями (Козлов было хотел возразить судя по выражению лица, но передумал).

Если будут расспрашивать про жалование – спросите кто какое хочет – но точной цифры не называйте...

Ну и еще – чуть подумав добавил Кауфман – приглядитесь – может увидите людей вроде себя. Тех кто будет *интересоваться* – этих тоже примечайте. Особо примечайте.

А это – Кауфман пододвинул ему «Петра» – сторублевку – На расходы.

Часть вторая

Венчание и коронация

Незадолго до рассвета Елена увидела сон.

Ей приснился какой-то странный город – похожий на Венецию и одновременно – на какой-то восточный град из сказок.

В нем шел карнавал – веселье, вино, нарядные дамы и кавалеры, салюты, фейерверки, конфетти, серпантин летящий из хлопушек. Веселящаяся толпа в масках – у кого-то классические итальянские баутты, у кого-то – маски дель арте с длинными носами, у кого-то – звериные головы, сделанные так искусно что невольно всплывали в памяти сказки об оборотнях – всех этих луп-гару и чуть ли не о Жеводанском звере. Иные даже прицепили сзади хвосты – лисьи и волчьи.

Играла музыка, ряженые прыгали и танцевали, фонтаны били выше крыш домов, подсвеченные яркими огнями...

Проснувшись Елена тут же позвонила в колокольчик.

Быстро оделась с помощью камеристки и вышла в гостиную.

Та надо сказать производила странное впечатление – здесь были и удобные кресла, и низкие столики в стиле английского ампира и тяжелый сервант. А самое большое место занимал большой стол с ножками в форме львиных лап и с множеством выдвижных ящиков, ручки которых были сделаны из серебра.

Лакей принес чай в старинном чайничке; с изображением тонкой кистью – танцующие на ажурном мосту необычайно красивой китаянки в синих и алых одеждах с высокими прическами, держащими в руках изящные жезлы и веера; под ногами девушек низвергается с горной круч водопад.

– Налить вам ваше высочество покрепче?..

Вспомнилось отчего-то из истории – царица Екатерина, владычица всея Руси чай не употребляла, но пила крепчайший *кофий* – как теперь говорят – кофе...

А вот она привыкла к чаю – в Британии любят чай.

Допив, оглядела зачем-то гостиную.

Дорогие обивочные ткани, по стенам, бархат, помпоны; полы устланы коврами редкой работы. Бюро времен Павла I, изящные канделябры, табуреты из позолоченного дерева с сиденьями, обтянутыми красной кожей.

Картины на стенах, кисти разных художников: уже старые с сеточкой кракелюр.

Тут и натюрморты из роскошных цветов и фруктов, охотничьи – она даже кажется узнала Вильяма Ван-Аелста и какой-то классический «завтрак» Петера Класса (Елена не имела понятия что это все стараниями господина Грузинского собрано в усадьбах здешних помещиков)

Одну стену занимали изображали государей Российских. Вот родоначальник и первый князь общерусский Рюрик – похожий не на монарха, а на бородатого разбойника (которым впрочем и был – как всякий норманнский конунг)

Вот усач в алом плаще, с огромным мечом у пояса и с таким же большим крестом в руках.

Это князь Владимир – тот, что крестил Русь и сбросил идолов в Днепр... А еще – подсказала память – изнасиловал княжну Полоцкую Рогнеду на глазах у отца ее и братьев – прежде чем умертвить тех. А затем взял в жены византийскую принцессу Анну.

А вот смахивающий на какого-то Мефистофеля в соболях Иван Грозный – у которого было семь жен – больше было только у Генриха Восьмого Английского... Михаил Романов – благодаря коему установилось правило – царь может занять трон в шестнадцать лет, а соче-

таться браком лишь в восемнадцать – в отличие от других подданных. Елизавета – дочь Петрова – славная именем отца. (А также блудом...)

Теперь вся эта череда царей и цариц – со всеми их доблестями и прегрешениями – ее история. *Её* История...

...Елену обряжали долго.

Перехватывали талию широким, вышитым поясом. Укладывали волосы в прическу закрытую жемчужной сеткой и закреплял гребнями, испешренным агатами и ониксами. Вокруг шеи переплелись жемчужные нити, перехваченные застежкой в виде льва из бриллиантов и рубинов, будто бы пленивших стройную шею. Одели фату с золотыми лентами.

Затем Елену облачили в длинное, стелящееся белое платье.

Когда обсуждал церемониал кто-то даже предложил для царской невесты нечто в старинном духе, – высокая кика и сарафан. Однако все же времена Алексея Михайловича канули в лету...

Елена увидела лицо свое в зеркале. Корона волос над матово-бледным овалом лица и изящно очерченным губами, на фоне тонкой и очень белая кожа – темно-аквамариновые глаза. Ее поразил собственный вид – неподвижный взгляд, мраморная бледность – даже жилы на висках не бились.

Как будто смертная тень коснулась ее.

«Встряхнись. Тебя выдают сегодня за Царя. Ты мечтала об этом... Ты любишь его в конце концов.»

Затем пришел черед заранее отобранных украшений. Выбирала она их – те что оденет на свадьбу и коронацию – долго и старательно.

В хранилище Эрмитажа ее глазам предстали удивительной красоты броши и диадемы, выполненные из драгоценных камней, работы прославленных мастеров прошлого века. Лазурные аквамарины, небесно-синие сапфиры, фиалковые аметисты и кроваво-красные альмандины, оправленные в золото и усыпанные россыпью небольших искрящихся бриллиантов, виртуозные оправы, созданные для каждого камня особо... Были и предметы из сокровищницы правителя Индии великого Могола Шах-Джахана – легендарного строителя Тадж-Махала. Индийские ювелиры создали удивительные вещи – искусно инкрустированные самоцветами, их шедевры декорированные яркой цветной эмалью, усыпанными алмазами из знаменитой Голконды и цейлонскими сапфирами. Однако больше всего ей понравился «Большой Букет» – где листья были выложены изумрудами, а цветы – алмазами, самый красивый из которых, розово-сиреневого оттенка, вставлен в сквозную оправу, чтобы лучше играть на свету. Его Елена и выбрала. Затем наступил черед фамильных драгоценностей семьи д'Орлеанс – драгоценностям французских королей и королев... А и немного их осталось от прежнего версальского великолепия! – подумалось ей. Сколько сгинуло по карманам революционеров – чья жадность к золоту уступала лишь жадности до крови, сколько было расточено на войны и иные забавы... Сапфиры на золоте и платине – середины прошлого века испанская работа.

Подвеска из квадратных рубинов, двух колумбийских изумрудов и грушевидной жемчужины.

Еще изумруд (уже уральский) в перстне – кабошон... Затем пришел черед старинного английского кольца – его носила последняя из Тюдоров – королева Елизавета. Оно было выполнено из золота девяносто второй пробы, украшено мелкими рубинами и бриллиантами, голубым жемчугом, льежской эмалью. Кольцо таило в себе секрет – подняв верхнюю пластинку можно было увидеть две крошечных миниатюры – портреты самой Елизаветы и ее матери, несчастной Анны Болэйн. Кольцо как она помнила было тоже подарком к коронации жены императора – императрицы Евгении Монтехо, супруги Луи Филиппа – от тогда еще союзной Англии. Семья лишившегося трона «племянника своего дядюшки» распродала содержимое

шкатулок на аукционе – и отец купил ей на шестнадцатилетие сей раритет – вполне приличествующий юной английской леди подарок.

Последним было кольцо-печатка – старого истертого бледного золота с лилией выложенной из рубинов, взятых из эфеса меча Саладина захваченного среди трофеев ее предком – Людовиком Святым. Самая старая реликвия... Его она не надела – это совсем для другого...

Как будто ничего не упустила. В дверях появился Оболенский-Нелединский.

– Идемте, Елена Филипповна. В храме все готово. Причт свечи возжег. Архимандрит уже расставляет певчих.

...А потом они с Георгием сошли по крыльцу, вступая на ковер – он в негнущейся парче усаженной крупными, грубо ограненными камням «яхонтами и лалами» – вспомнила она старинные слова. Она – в белой кисее.

Они вышли под показавшийся ослепительный солнечный свет... С колоколен собора лилась густая медь свадебных перезвонов. Две фрейлины несли за ней горностаевую накидку – еще свернутую. А вперед пожилая черница – игуменья несла икону – древний темный от времени образ в таком же старинном окладе – в скани и морозных узорах.

Образ Михаила – Архангела – по преданию им благословляли предка Георгия – Михаила Федоровича Романова во время его свадьбы...

* * *

Георгий мысленно вздохнул – бармы и парчовый балахон из Бог весть каких запасников Оружейной палаты, довольно таки сильно сковывали движения, давили на плечи...

Словно бы усталость давила – сегодняшней свадьбе он и в самом деле отдал много сил...

Что поделатъ – он ведь хотел не просто свадьбы царя – но *Царской свадьбы*.

И такое дело не могло обойтись без царского же догляда.

Нет – разуется порядок действия разрабатывался как положено Церемониймейстерской частью Министерства двора. Однако без его участия дела толком не осилили (как впрочем почти всегда бывало на его память).

Изначально Георгий отдал распоряжение – чтобы церемония была пышной и необычной. Увы – под необычностью дворцовые важные чины понимали грубую помпезность в духе турецких султанов, а пышность в их глазах определялась, похоже, исключительно потраченными деньгами.

Чего только не было в тех планах! Шествие конных рыцарей в цветах Орлеанского дома. Золоченые кареты. Фейерверк на сотни тысяч рублей. Строительство особого маленького деревянного дворца для новобрачных, который затем предполагалось разобрать и зачем то сжечь.

Еще церемониймейстеры предложили собрать по примеру Анны Иоанновны представителей областей народов России – дабы те прошли шествием перед августейшей четой – в своих костюмах со своим песнями и танцами...

И расходы... Боже милостивый!!!

В огорчении Георгий даже обратился к Танееву – может быть художники и театральные режиссеры окажутся способнее придворных деятелей? Увы – там тоже не нашлось способных удовлетворить взыскательный вкус молодого монарха. Они захотели соорудить деревянный амфитеатр где дать представление, и тоже воздвигнуть деревянные дворцы – точнее уже декорации на месте великокняжеских хором – по их образцу. Всего на три миллиона золотом. А еще помощник директора Петербургского Синодального училища Александр Кастальский собрался даже написать к свадьбе Георгия и Елены оперу на какой-то совершенно невероятный сюжет – о любви древнего славянского князя к прекрасной гречанке из Тавриды – у нее не было даже либретто – лишь наброски. (Отказали конечно – оперу за три месяца?)

Однако так ли иначе – сейчас он ведет свою невесту под руку к алтарю – а все прочее неважно.

* * *

Елена замерла – перед ней паперть собора. А над головой – позолоченный пологий купол, напоминающий богатырский шлем. Сверху – ажурный крест из золоченой меди.

А под ним – белокаменные резные фигуры святых, среди которых она выделила взглядом страстотерпцев князей Борис и Глеб, причудливые растения, фигуры фантастических зверей и птиц – настоящая сказка в камне.

Храм как она помнила был возведен князем Всеволодом Большое гнездо – прозванным так за его многодетность – у него было двенадцать детей.

Белое платье невесты мело подолом по коврам устлавшим площадь и крыльцо.

... Они с Георгием перекрестились и поклонились на иконостас.

Любуясь многочисленными узорами на фасадах храма, она ожидала, что и внутри встретит подобное убранство. Однако, внутренняя часть храма была лаконична и скромна.

Фрески в нежных полутонах – светло-зеленых и голубых, зеленовато-желтых и синевато-серых. Лики апостолов строгой красоты, смотрели на нее с вышины.

В главном своде под хорами фигуры апостолов-судей на престолах сцены рая: херувимы и серафимы, апостол Петр, ведущий в рай святых жен, Мария Магдалина; Богоматерь на престоле; Авраам, Исаак и Иаков, а также Благоразумный разбойник.

Пространство нефа было наполнено воздухом и светом, и все пронизано торжественным спокойствием и умиротворенностью... буквально дух захватывало от великолепия древней церковной живописи.

Священники в тяжелых златотканых ризах речитативом читали псалмы Давида, «Живый в помощи Вышняго», и Великую Ектенью из Нагорной проповеди.

Приглашенные построились по обе стороны прохода.

Их было немного – человек пятьдесят – самые близкие. Хотя так если подумать и должно быть: свадьба – даже свадьба монарха – это семейное торжество и быть на ней надлежит лишь *своим*.

Среди гостей было лишь два посторонних – фотограф Иваницкий со своей камерой и набором объективов и живописец Серов – ему поручено запечатлеть церемонию на полотне.

Дядя Георгия, – Александровичи и Николаевичи с супругами и детьми, цесаревич Михаил. Рядом с вдовствующей государыней – отец – то есть его королевское высочество принц Шарль-Луи Орлеанский.

Иноземные гости... Карл I – государь Португалии, Анголы, Гвинеи – с красно – зелено-фиолетовой кавалерией соединенных орденов Сант-Яго, Христа и св. Бенедикта Ависского – и знаками многих других наград. Муж сестры *Амели* – та увя не приехала – нездорова.

Елена скользнула взглядом по пышноусому лицу – со своей плотной фигурой и белесыми волосами деверь скорее напоминал немецкого или английского буржуа нежели иберийского идалго. Отчего то глаза ее задержались на только вчера врученном королю Георгием ордене Белого Орла...

Вот на правах деда и бабки жениха – монархи Дании – король Кристиан IX с супругой – королевой Луизой. И всех орденов государь Кристиан надел лишь звезду св. Андрея Первозванного. Рядом – его сын – король Греции Георг I – тетка её *все еще* жениха под руку с молодящейся королевой эллинов – Ольгой Константиновной, – тетушкой Георгия и стало быть и ее тоже...

А справа от датской монаршей четы – член Испанского Королевского дома – герцог Пальма-де-Майоркский Хуан – ее мать не приехала отговорившись нездоровьем. Сердца Елены коснулась мгновенная грусть – мама так не смогла принять перемены веры дочери.

«Я буду молиться за твое счастье, твоего супруга и твою душу» – так завершалось короткое письмо, переданное ей в собственные руки доном Хуаном...

И они – двое – что, казалось, плыли по воздуху над мозаичным полом – он в древнем наряде, она в белоснежном атласе и бархате, струящихся легкой вьюгой.

Она видела как играют в свете мириада свечей грубые, старой шлифовки камня на его собольей, царской шапке. Красные сапоги ступали почти бесшумно. Сапоги пурпурного окраса – как у византийских императоров.

Последнего византийского императора Константина Палеолога турки изрубили так, что опознать его смогли только по царским сапогам... После этого Константинополь уже наверное навеки стал Стамбулом...

Она чуть тряхнула головой, отгоняя жутковатую ассоциацию – видение.

Владимирский архиерей поднял руки жестом библейского патриарха со старой миниатюры. Синяя златотканная сутана – то есть ряса (православные падре – то ест *batiuschk'i* не носят сутан – они носят рясы) перехваченная муаровым розовым мафорием переливался лазурным крылом бабочки.

Панагия, украшенная аметистами, тускло отсвечивала цветными огоньками. Крест на серебряной цепке – большой – дюймов двенадцать. На каждой поперечине креста с обеих сторон были изображены лики святых с серебряными нимбами. Их фигуры выделялись на золотом фоне, выгравированные линии были выделены густо – черной эмалью. Это был древний византийский крест – мощевик; века седьмого – привезенный из Киева митрополитом Иоанником. Бог весть какими путями пришедший на Русь и Бог весть как сохраненный от рук грабителей и мародеров всех бесчисленных войн.

Преподобный Сильвестр казался ей и в самом деле каким – то древним первосвященником явившимся из глубин веков для того, чтоб обвенчать их.

– Смертию смерть поправ... жизнедавче... человеколюбче... – доносилось до нее. Елену словно невидимая рука толкнула – и она перекрестилась – троеперстно.

– Честнейшую Херувим... и славнейшую без сравнения Серафим...

Их подвели к аналою. Елена не слышала голосов и невнятно доносилась речь Священника. Отец Феогност произносил предвенчальную молитву, затем трижды прочитал «Отче наш», и «Богородицу». Елена замерла, слушая затверженные недавно, а теперь как будто знакомые с детства слова.

– *Богородице Дево, радуйся, благодатная Марие, Господь с Тобою... благословенна Ты в женах, и благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших... аминь...*

И хор из трех десятков певчих – детей-семинаристов и двух десятков дородных монахов возгласил, – Исаия, ликуй!..И вы, дочери Иерусалимския!.. И вы, дочери Иеффая!..

И отец Феогност стоит, воздымая руки, седовласый, напряженный, а после возглашает зычно на весь собор святые слова соединяющие людей именем Творца.

Он только что не сиял от гордости – пусть сейчас во Владимире три митрополита и заслуженные епископы с архиепископами – но таинство брака – брака Императора Всероссийского! – по канону должно совершать именно ему – правящему архиерею епархии.

– Венчается раб Божий Георгий рабе Божией Елене...

Георгий стоит перед ней, облаченный в свой сияющий, парчовый наряд, и меховую шапку что блестит драгоценными камнями.

– Миг – и кольцо – обычное золотое обручальное – уже на ее руке.

– Венчается раба Божия Елена рабу Божию...

Кольцо... Она сама должна надеть ему кольцо – а руки дрожат. И Елена, глядя прямо в глаза Георгию, надела на его палец кольцо короля-крестоносца – оно охватывает палец *Государя* как будто делалось для него.

Священник, что держал над ними венцы явно волновался – руки его тоже дрожали...

– Венчается раба Божия Елена рабу Божию Георгию...

Они направились к аналою. Отец Феогност осенил их крестным знаменем.

Толпа гостей крестится. Императрица-мать, дядья и племянники Георгия, с ним их жены, чада и домочадцы...

А еще – за стенами собора – простой народ.

Они сейчас молятся за неё и за Царя – и сейчас их мозолистые руки творят крестное знамение, троеперстие во имя Троицы Единосущной. Сейчас по всей России – за вычетом может самых глухих «medvezjih» углов народ молится за нее – а может поднимает чарку во здравие молодых... Она представила этот «народ» – сельские священники в бедных бревенчатых храмах; офицеры и солдаты в провинциальных полках; бородатые *лавичники* – ой – лавочники! – в сапогах-бутылках, мужики в армяках и гимназистки...

Отец Феогност беспрерывно крестил их, словно боясь, что они останутся хоть на миг без защиты знамени, без осеняющего крыла Божия.

– Гряди, голубица!.. – тоненько, торжественно, медленно поют певчие...

«О Георгий, вот я и Твоя жена. Вот и повенчал нас Господь... Все сделалось само. Как?»

Нам этого теперь уже никогда не понять.»

Он склонился к ней и его губы коснулись её щеки...

– Исайя, ликуй! – торжествуя запел хор – грянув словно с небес. Гости закрестились.

– Гряди, Голубица!!

Она не помнила толком как вышла из храма – твердо запомнилась лишь его рука в жесткой парче твердо держащая ее за локоть.

А под светом солнца на нее накатило густое гуденье медного баса – ударили в колокола...

И волны густого тяжелого звона накатывали, плыли сияющим облаком, вызывая ощущение счастья и благоговения...

* * *

Дальше было возвращение к губернаторскому особняку, где в огромном шатре их ждали накрытые к пиршеству столы...

Оркестр Мариинского театра заиграл полонез. А гости, сели за столы, залах, и под нежные порхающие звуки принялись уплетать зернистую икру, тарталетки, заливные, салаты, жареные лангусты, ризотто с белыми трюфелями мороженое, пить из хрустальных бокалов вино столетней выдержки, желая венценосой паре долгих лет жизни и любви. Было много цветов – темно-пурпурные и черные орхидеи, белые гвоздики, маргаритки – в таком изобилии, что дух захватывало – два вагона цветов в бадьях оцинкованной жести с водой доставили из Москвы. (Это не считая полевых цветов и цветов из палисадников горожан пошедших на украшения улиц и убравших центр Владимира растений из усадебных оранжерей)

Фрукты в вазах – яблоки, сливы, виноград и ананасы...

Для новобрачной были приготовлены особые блюда – французской старой аристократической кухни: королевский суп – курятина на молоке, с толчеными орехами, цыплята «*кок-о-вин*», с гарниром из томленного в духовом шкафу гороха, бараньи отбивные под соусом, а на десерт «омлет-суфле».

Запивая это все охлажденным фруктово-ягодным компотом, Елена думала что отныне старая жизнь закончилась.

Да – сегодня первый день новой жизни. У нее есть теперь муж.

«Муж и Царь твой. И Господин твой. И Владыка и Повелитель твой.»

* * *

Еще одна служба – благодарственная – состоялась вечером в Церкви Покрова...

Стоял прекрасный день, и я навсегда запомнила белую церковь с островерхим шатром и золотыми крестами на них, блестящими и переливавшимися на закатном солнце. Это была древняя знаменитая церковь, сейчас известная во всем мире...

Мысли мои тогда были однако далеки от горнего... Я мечтала объездить страну царицей которой стала.

Увидеть ее огромные просторы, проехав насквозь снежные леса, ковыльные степи, бесконечные реки, текущие из жарких степей к ледяному океану.

К Байкалу. В горы Алтая и Хамар-Дабана. На Ангару... На Волгу. В леса... К Белому морю и святым Соловкам. К тигриной тайге Приморья и бамбукам Сахалина. К древним городам Туркестана и святому Арарату.

Многое – очень многое не сбылось – монарший удел – это тяжелый труд – не оставляющий времени на свои желания – если конечно царствующий понимает свой долг. Все же я не жалею – ибо взамен исполнения житейских желаний мечтаний судьба дала мне по настоящему великий Царский – путь...

Елена Филипповна, Вдовствующая Императрица Всероссийская

«Мое жизнеописание»

(Не вошло в окончательную редакцию)

* * *

В наступившей тишине четко прозвучал щелчок поворачиваемого ключа, и тихий полусумрак окружил ее.

Елена вздохнула.

Последние три часа Елена провела в шумной суматохе пира, где всякие хмельные напитки лились хоть и не рекой, но полноводными ручьями, а вкуснейшие блюда поглощались в изрядных количествах и тут же подносились лакеями, тафельдекерами и мундшенками. К счастью, Елене не надо было общаться с каждым из приглашенных. Ее роль сводилась к тому, чтобы тихо сидеть за столом, пробовать разнообразные блюда да по глотку отпивать шампанское из изящного бокала – в ожидании того что определено судьбой этой ночью. Ее пальцы вздрагивали – она один раз чуть не уронила хрустальный бокал.

И вот все кончилось и мисс Агафоклея проводила ее сюда – в спальню убранную и задрапированную особо привезенной из Петербурга мебелью и коврами с портьерами. Но что дальше?

Она подумала – может погасить светильники – пусть их первая ночь как мужа с женой пройдет в темноте – так романтичнее...

Но тут открылась другая дверь и вошел ее избранник.

– Мне надо в ванную, – сообщила она Георгию нарочито спокойно.

Умывшись и обтеревшись при свете маленькой керосиновой лампы на медном крюке она распустила волосы, густой волной легшие на плечи. Накинула красный бархатный халат, затянула пояс, и вышла в комнату. А Георгий уже обнаженный – лишь прикрывшийся одеялом сидел на кровати.

...Он поглядел в её сияющие глаза... и смутился...

...У нее ещё этого не было...он понимал, что должен быть нежным и ласковым не уподобляясь дикарю.

Его халат соскользнул на пол. При свете ночника она увидела его всего... и мельком подумала о тех женщинах что также ждали его в постели... Сколько их было? Но какая разница? Мужчина имеет права каких нету у женщины – причем права дает не закон, а природа. Ибо мужчина не забеременеет от мимолетной связи...

– Елена... милая... – он обнял ее.

«Как он произнес моё имя! О, как!»

Елена покраснела когда он совлек с нее халат.

– А как насчет поцелуя? – руки Георгия лежали на талии девушки, притягивая ее к мужскому телу. Его поцелуи переместились на шею, потом он начал двигаться в сторону уха и прикусив мочку, прошелся по нему языком.

Через полминуты тело начала снова слушаться и Елена нашла силы прервать поцелуй...

Георгий обхватил одну грудь, потом – другую, прошелся пальцами по животу и коснулся пупка. Он будто изучал ее тело. Потом его губы раскрылись, и язык стал ласкать набухшие бутоны сосков, заставив ее вздохнуть в испуге и подступающем наслаждении.

Это околдовывало ее, и она начала постанывать от нахлынувшего наслаждения. Огонь охватил ее обнаженное тело, кровь быстрее побежала по венам, отзываясь ритмичной сладостной судорогой внизу живота. А требовательные губы Георгия не давали ни мгновения покоя, покрывая ее новыми и новыми все более пламенными поцелуями. Георгий стал поспешно освобождать от ночной сорочки, осыпая при этом обнажающееся тело поцелуями. Вот он покрыл поцелуями ее груди, потом живота, спускаясь постепенно все ниже и ниже. Он целовал ее, она сладостно изгибалась, гладила его волосы и ободряла его тихими сладострастными звуками. Он горел, как в огне, и с каждой секундой все с большим трудом сдерживал желание полностью слиться с ее плотью овладеть ей дико и быстро – как теми женщинами... Закинуть ее ноги себе на плечи решительно их разведя...

– О да, да! ДА! – простонала она. И вдруг Елена ощутила небывалый восторг. Она никогда не испытывала ничего подобного.

Снова поцеловав ее, он прижался к ней еще сильнее, и она вздрогнула перед неизбежным. Георгий вспомнил – что советовали некие книжки касательно девственниц, подвел руки под ее ягодицы и крепко прижал Елену к себе. Затем несколько секунд выждал и проник в нее. При этом он почувствовал, как преодолел некую преграду, которая осталась позади ощущением теплой тесноты. Елена всхлипнула. И отдалась этому страстному порыву, забыв обо всем на свете. Ее охватило желание – прежде о существовании которого она даже не подозревала – разве что в самых тайных и томительных снах.

Она словно растворялась в нем... И чопорная леди отступила перед страстной женщиной, так неожиданно и сильно поднявшейся из неведомых глубин ее натуры. Елена оказалась бессильна перед этим напором...

Слишком хорошо было. СЛИШКОМ ХОРОШО...

Часы (минуты, дни?) миновали и вот изнемогая от любви и усталости, она замерла в его объятиях.

Умиротворенные, они лежали в полном изнеможении. Обнаженный, он лежал на спине в призрачном свете ночника, она тоже была бесстыдно голой, как танцовщицы на древних фресках...

Он нежно поцеловал Елену – свою жену и свою Царицу...

Из глаз ее выступили слезы. Слезы счастья и слезы перехлестывающих чувств... Она ощутила их на своих губах и улыбнулась.

Я имею счастье и радость, – шептала Елена, – я рожу тебе таких хороших сыновей что все короли мира будут тебе завидовать, только пожалуйста люби меня и никогда не покидай...

– Не покину, дорогая. Мы с тобой теперь больше никогда не расстанемся и я всегда буду любить только тебя.

От этих слов Елене стало так хорошо и тепло на душе... Она не просто стала царицей – сегодня она все-таки стала счастливой...

* * *

Я вспоминаю ту ночь... Их было много – и я их не вспомню – кроме этой. Я знаю что не все женщины помнят то как утратили девичество и вошли в новую жизнь... Но ее я помню и буду помнить даже на смертном одре и даже за порогом жизни – если души помнят свои земные страсти. Тот миг когда ТЫ проводишь ладонью внизу моего живота, и я, вздрогнув, накрываю ладонью твою плоть. Лишь твои губы, больше нет ничего... Почувствовав мою ослабленность, мой возлюбленный крепко прижимает меня к себе, не прерывая поцелуй, чуть подается вперед и...

– Я люблю тебя. Ты даже не можешь представить, как сильно я тебя люблю.

Он шепчет мне ласковые слова, гладит по голове, как ребенка, покрывает поцелуями шею... Он прошелся языком по моему уху, слегка прижал поцелуем.

«Как же хорошо... что со мной творится? Я уже совсем позабыла о страхе. Каждая клеточка моего тела кричит о моей любви к НЕМУ. Он – мое божество... Только отдаваться ему, отдаваться без остатка, до капли, раствориться в нем, чувствовать его в себе, глубоко-глубоко, дарить ему счастье быть любимым... Я чувствую, что ему очень хорошо сейчас... Он чуть постанывает, целует меня, прерывающимся голосом шепчет какие-то нежности. Еще миг и это сладкое ощущение счастья становится невероятным.

Я непроизвольно подаюсь любимому навстречу. Еще движение, еще и... Словно меня подхватывает что-то и уносит в небо. Тело скручивает сладкая судорога, из груди вырываются стоны и крик. Я кричу и извиваюсь под ним. Его бьет дрожь. Он делает последнее движение и замирает.

Через несколько секунд все проходит. Он ложится рядом и обнимает меня.

Какое-то время мы молчим, переводя дыхание... "

– Я люблю тебя... – шепчет он.

Ты научил меня не скрывать своих желаний, сделал мое тело чувственным и ненасытным, прогнал прочь ханжескую стыдливость... Потом я поняла – что имели ввиду древние говоря о *Таинствах* Исиды и Астарты. Но испытала это я именно тогда.

Из тайного дневника императрицы Елены Филипповны, уничтоженного ей за год до смерти

* * *

Следующий день

Если бы сейчас над Владимиром поднялся бы аэростат или даже новейшая выдумка человеческой мысли – дирижабль – вроде того что создали мсье Шарль Ренар и Артюр Кребс, то глазам его бы предстало необычное зрелище...

Центр древнего города с лужайками, с остатками старинных высоких валов; и два рядом белеющих собора, один – малый, другой – большой, с грандиозной колокольной, уходящей острием купола в голубое без единого облачка небо...

Кругом соборов стояли хоругвеносцы с черными и багряными златотканными хоругвями. То тут то там можно было видеть диаконов и клириков в золотых облачениях со свечами

и посохами в руках. Небольшая процессия батюшек обогнула Успенский собор «по солнечному ходу» и вышла с северной его стороны на площадку между соборами, в это же время из собора сюда же выходила другая процессия духовенства с архиереями в разноцветных мантиях и множеством хоругвей.

А на площади – царский павильон, украшенный бело-сине-красным государственным и оранжево-бело-черным династийным флагами. Солнце еще стояло не высоко, утренняя прохлада еще не исчезла, день ожидался солнечный. Еще кое-где стучали топоры плотников, лихорадочно заканчивавших постройку трибун, балаганов помостов.

А окрестные улицы уже заполняла толпа – но не всякого пускали – ох – не всякого...

Если кто-то особо рвался вперед нарушая порядок – как из под земли являлся жандарм, стражник, а то и агент полиции в штатском и командовал строго и назидательно: «Куда? Зачем? Вернитесь!» А в случае если слова не помогали – нет – упаси Христос! – никакого мордобоя и матерной ругани – грозное – «Честью просят!» – и кулак охранителя благочиния приближался – нет к лицу, опять же – ни в коем случае – здесь же священное торжество! – а чуть ниже пояса. А кулаки у жандармов и городских – зачастую бывших гвардейских солдат, крепышей и великанов – смотрелись весьма внушительно.

...Публики на трибунах было еще мало, а в павильоне пусто – только цветная каемка охраны – «стрелков Его Величества», в ярких малиновых рубашках и забавных шапочках, вроде тех что одевали извозчики или гайдуки богачей.

Но вот трибуны начали занимать важные гости – губернаторы, предводители дворянства, депутаты городов и гильдий, игумены и игуменьи монастырей...

А под золочеными хоругвями и примыкирием в лиловых, синих и фиолетовых мантиях епископы, архиепископы и митрополиты. Вон они – с посохами в руках в белом клобуке с бриллиантовыми крестами, на голубых серебристых мантиях, митрополит московский Владимир, митрополит Киевский и митрополит Санкт-Петербургский. Диакон и послушники в золотых облачениях следуют за архиереями, поддерживая мантии. Навстречу преосвященным лилась с высоких колоколен церковная медная музыка...

Солнце играло сотнями блесков на их золоте и блесит на ризах облачений.

И вот показались два открытых экипажа – обычных лакированных ландо.

В первом экипаже к павильону подъехали Елена в сопровождении своей камер-фрейлины – Агафоклеи фон Сталь и обер-гофмейстерины Марии Павловны Будберг. Во второй – Георгий в одиночестве...

И вот со стороны зазвучала походная музыка.

Сюда из за города шли гвардейские части, поднятые засветло, чтобы успеть отскоблить бритвами до крови солдатские подбородки, начистить ваксой до зеркального блеска голенища сапог, отполировать лошадиным зубом белёные ремни амуниции, стряхнуть особым веничками последние пылинки с парадных мундиров.

Разноцветные – в новой форме – шеренги солдат подтянулись, выравнивая штыки, четче печатая шаг.

Преображенцы, семеновцы, измайловцы, солдаты Московского полка...

Открывал прохождение лейб-гвардии Преображенский полк, в честь его основателя – Петра Первого, назначали брюнетов или темных шатенов, по обязательно «с белым лицом».

Вот прошел батальон второго полка гвардии – Семеновского. Его сформировал когда-то любимец Франц Лефорт, носивший ярко-рыжий парик. И сто восемьдесят с гаком лет в семеновцы подбирали тоже только рыжих. Барабанщики шли первой шеренгой в голове батальонной колонны. Капельмейстер повернулся на полном ходу налево кругом, продолжая идти задом, взнес руку в белой перчатке, махнул, и в летнем воздухе грянул всей медью высеребранных труб и гремящих тарелок пышный Семеновский марш.

За ними – представители Павловского полка – в нем службу нести полагалось только блондинам и только курносым – как у государя-основателя – не было в России недостатка в таких новобранцах. От чего все солдаты выглядели на одно лицо, все похожи, как родные братья, так что бывало обыватель – завидя марширующую роту странных близнецов суеверно крестился: тьфу, пропасть – наваждение этакое!..

Финляндский гвардейский пехотный полк. Была в его неторопливом марше неожиданная легкость: четко били подошвы, но не вдавливались каблуки в мостовую. Оркестр играл не особо громко, задорную, веселую мелодию, сочиненную в прошлом веке офицером полка, ставшим потом художником.

То ли дело, то ли дело егеря, Егеря, егеря!

Георгий наблюдая из ложи павильона – пока в задних комнатах убирали к торжеству Елену, вспомнил рассказ что в старые годы полк назывался егерским, а егеря предназначались для действий в рассыпном строю – и от них требовались быстрота и легкость на ногу.

И хоть времена изменились традиции бережно сохранялись: в них сила армии, уважение к прадедам, желание быть не хуже. Гурко прав – британцы стали так сильны во многом именно оттого что не гнались бездумно за новизной.

Замыкающим прошла отдельная сводная рота сверхсрочных фельдфебелей в шевронах и, медалях «За беспорочную службу» – богатыри саженого роста, представители восьми гвардейских полков, квартировавших в Петербурге и двух московских.

За пехотой выехала группа всадников – впереди с обнаженной саблей, высаясь на могучем вороном коне как памятник самому себе командующий кавалерией великий князь Николай Николаевич. Георгий улыбнулся – дядю солдаты прозвали отчего то «Лукавый», и каждый день по вечерам заканчивали пение молитвы просьбой Всевышнему: «Избави нас от Лукавого». Дядя возглавлял прохождение конницы.

Что-то блеснуло золотом. Хор трубачей грянул медью, широко развернув фронт эскадронов, шли мерным шагом гнедые лошади под красными вальтрапами с серебряной окантовкой и гвардейскими звездами. В седлах – усатые богатыри в белых мундирах, в нестерпимо горевших на солнце медных кирасах и касках с серебряными двуглавыми орлами, развевались красно-белые вымпелы на пиках в передних шеренгах.

Шел кавалергардский полк – гордость и слава русской кавалерии.

За ним желто-белые флажки, караковые лошади, желтые с серебром вальтрапы – «кирасиры Его Величества». Один из старейших полков русской конницы, сформированный сразу после Нарвского погрома боярином Волконским, первым полковым командиром. С полком связаны первые победы над шведами, основание Петербурга.

Эскадрон кирасирских трубачей сменили музыканты на вороных конях под синими вальтрапами, расшитыми золотыми позументами и звездами.

Вот проехали рысью две сотни «конвоя Его Величества» – кубанских казаков на вороных конях, в черных папахах, в алых черкесках с золотыми позументами, блестя серебром кавказских шашек, – черноусые красавцы один к одному. Алые черкески тонкого дорогого сукна, опойковые сапоги с мягкими голенищами, черные папахи. Как полагалось к каждому параду, к каждому торжеству выдавали конвойцам новую парадную форму – за счет «собственных Его Величества Средств» (А старую – в сундук. В иные годы случалось казак царский уезжал со службы с двумя такими сундуками)

Клинки на поясах казаков – кинжалы и шашки – свое оружие – не казенное... Доброе оружие разрубавшее в воздухе шелковый платок или разваливавшее «баклановским» ударом врага до седла. Изготовленные прославленными мастерами Кавказа – Исди-Кардашем и Магомед-оглы из местечка Кубачи; ичкерийские «терс-маймал» – «ревущая обезьяна» клинкам этим был свойственен особый звон и свист, сравнимый с ревом дикого животного. Грузинские – из кузни не менее знаменитого оружейника Элиазарошвили. Булатные клинки знаменитого

дагестанского мастера Османа, и дамасские – с муаровым рисунком – отобранные у мамелюков Бонапарта или мюридов Шамиля. У кого-то была и «гурда»; шашка с каналом в обушке клинка заполненного ртутью – чья тяжесть наращивала силу удара... Но вот и уланы.

– Вам пора – Ваше императорское Величество...

Георгий оглянулся – дежурный генерал Кауфман получивший три дня назад эполеты генерал-майора и аксельбант генерала – адъютанта был как всегда собран и хмур.

А из за занавес вышла Елена в сопровождении Агафоклеи.

На ней было сшитое из серебряной парчи платье. Оно надо сказать выглядело весьма эффектно, переливаясь отражениями света ламп и бликами солнечных лучей. Казалось, его выковали из тончайшего серебра, а не сшили рукам мастериц. Стежки были положены под разными углами и при движении платье сияло подобно бриллиантам.

На паперти их встретил митрополит Московский Сергей – именно ему было определено свершать чин коронации...

– Государь Всероссийский! – проникновенно начал он. Благодетельная Государыня! Как нет выше, так и нет труднее на земле царской власти, нет бремени тяжелее царского служения. Христианская Церковь, учит о нас о власти, что она от Бога, и ее нужно не только признавать, подчиняться ей, но и любить, и почитать. Царская же особа – лицо особенно благословенное Богом, помазанник Божий. Над ней совершается при коронации миропомазание на служение государству. К нему и его семье русские люди воспитываются не только в страхе и повинности, но и в глубокой любви и благоговейном почитании, как лиц священных, неприкосновенных, действительно Высочайших, подлинно самодержавных и великих; все это не подлежит никакому сомнению у властей духовных и у народа. И если Царь – владыка над всей страной, как ее хозяин, полномочный распорядитель получающий ее в удел от Христа то царица – есть наместница Царицы небесной...

Елена слушала с замиранием сердца – а вот Георгий ощутил тень сомнения – такого в догматах что преподавал ему отец Палладий что то не припоминалось.

Этак и до пресловутого «цезарепапизма» о котором вещают все эти философы вроде Соловьева недалеко.

Однако же окружающие с благоговением внимали – и вот по завершению проповеди они переступили порог собора – где уже ждали гости церемонии.

И невольно ахнула...

Внутри храма стены были расписаны искусными фресками и убраны золоченой медью, древние иконы в иконостасе украшены золотом и драгоценными камнями; перед ними висело четыре золотых и два десятка серебряных паникадил, воздушы и покровы были шиты золотом и жемчугом. Реставрирующие его мастера сделали все что было в их силах и даже сверх того чтобы приблизить древних храм предков династии к изначальному великолепию – удивлявшему людей русской земли и иноземцев – когда «она церковь и уподобима была Соломонову, бывшему в Иерусалиме, храму». Гостей было много... Много больше чем на вчерашней свадьбе.

В глаза Елене бросилась вдовствующая императрица Мария Федоровна – в пурпурной мантии с большим двуглавым орлом, вышитым на спине, и в сверкающей бриллиантовой короне.

За нею, широкой рекой, придворные в расшитых золотом генеральских и камергерских мундирах – члены Государственного Совета и Сената.

Кто то был ей незнаком – других она узнавала... Вот князь Дадвани... Герцог и герцогиня Лейхтенбергские – какая красивая пара! А вот принцесса Ольденбургская – как уже знала Елена адреса благотворительных комитетов, членом которых состояли ее высочество, занимали четыре листа.

Иноземные послы и гости – среди них два представителя Великобритании – премьер-министр и министр иностранных дел Артур Солсбери – рядом – слегка мужиковатый коренастый бородач в морском мундире, принц Альфред Саксен-Кобург-Готский – сын королевы Виктории и муж великой княжны Марии Александровны, тетки Георгия. Эрцгерцог Франц-Фердинанд Габсбург с любопытством оглядывал фрески на потолке.

Далее – представители Шведского, Греческого, Прусского (Елена ощутила мимолетное злорадство при взгляде на постную физиономию принца Генриха – да – государь всероссийский выбрал меня, а не вашу «Мосси»)...

Есть тут и иноверцы. Эмир Бухарский чье имя она так и не запомнила, и хан Хивинский Абдулла. Брат персидского шаха Хафиз.

Вот азиат в синем чесучовом одеянии с золотым шитьем на вороте и длинными рукавами. В руках он держал шапку черного бархата с сапфиром и павлиньим пером: это был принц Сун Лунь: племянник старой Цы Си.

Японец – с каменным лицом – на котором европейский костюм сидел как-то по особенному нелепо, маркиз, а еще главный жрец какого-то японского божка – как же его Сус... или как-то еще?

Как она знала у властей духовных возник робкий вопрос – а можно ли допустить в храм Божий иноверцев и язычников?

– А как иначе вы еще собираетесь их в веру истинную обращать? – осведомился Георгий с какой – то особенно лукавой улыбкой.

Золотые позументы сияли на мундирах. Розетки орденов глядели с муаровых голубых и алых лент... Великие князья и фрейлины, графы и бароны с баронессами.

Лаковые штиблеты и офицерские сапоги с золотыми шпорами, тувельки дам из оленьей и крокодиловой кожи, из замши, расшитые настоящими алмазами и жемчугами. Платья фрейлин были из красного бархата. Великие княгини и статс-дамы – в зеленом бархате.

Они шли мимо этих людей – цвета от цвета Империи и цвета других держав – туда, где на специальном возвышенном помосте, установленном посреди собора и застланном белым атласом стояли два трона – доставленный из Москвы в особом вагоне трон Михаила Федоровича (выбран ибо тот тоже женился после восшествия на царство) и трон для – неё – на который она сядет уже став императрицей...

С ним вышла заминка. Георгий да и другие сперва предлагали не мудрствуя лукаво чтобы в этой роли выступило достопамятное кресло императрицы Екатерины из собора. Однако Елена спокойно, но решительно возражала – да и дворцовый краснодеревщик Зернов осмотревший реликвию не гарантировал что со старой мебелью стоявшей в соборе сотню с лишним лет все в порядке и в ходе церемонии не случится какого конфуза...

И тогда родилось воистину соломоново решение – сделать для новой императрицы новый трон. Даже было хотели уже оправить заказ поставщику двора Мельцеру – но Танеев вдруг предложил сделать его тут же – во Владимире – в древнем стиле руками провинциальных мастеров.

В Дворцовом ведомстве было скептически покачали головой, но Георгию эта мысль весьма понравилась. И вот под личным наблюдением двух церемониймейстеров двенадцать лучших столяров и резчиков бледные от ощущения ответственности и страха – сделать что-то не так – за три недели изготовили трон – пока вышивальщицы трудились над подушками для сидения и спинки... Для трона было взято дерево с разных концов империи – кавказский орех, сибирский кедр, владимирская сосна и даже привезенный с okazji на московскую мебельную фабрику и выкупленный за сто рублей серебром амурский бархат. Лишь накладки из серебра и моржовой кости привезли с Севера – из Холмогор и Великого Устюга. И все равно трон для Елены закончили лишь три дня назад.

Георгий – в эту минуту уже не человек в земном смысле, но Монарх сел на трон, а она стала рядом – ибо невместно сесть на престол невенчанному на царство и невместно сесть в храме кому-то кроме царствующей особы.

И при пении «Хвалите Имя Господне» вышли из алтаря митрополит, архиерей и весь сонм духовенства...

Все священнодействия коронавания совершали первенствующий член святейшего правительствующего Синода митрополит Санкт-Петербургский Палладий митрополит Киевский Иоанникий и Московский Сергей.

Архимандрит Петр Длугов бережно нес темную от времен икону в простом окладе – то была икона Владимирской Божьей Матери – когда то увезенная из храма и недавно возвращенная уже навсегда...

Ею он и благословил Елену...

Обер-церемониймейстер Рикский с помощником – церемониймейстером поднесли ларцы с коронами – в большом была корона государей всероссийских в том что меньше – корона императрицы.

– Венчается во достоинство императрицы супруга государя Всероссийского Елена Филипповна, – возгласил митрополит Сергей.

Церемониймейстеры разом – как заводные куклы – распахнули ларцы, а Елена опустилась на колени.

Большая императорская корона была водружена на голову Георгия I.

Затем извлекли корону для нее – вернее для императрицы всероссийской.

И вот сейчас ее поднесли императору, и он, обратившись к коленапреклонённой Елене и возложил ее на голову супруги. Сняв с себя корону – коснулся им короны императрицы.

Фрейлины во главе с Агафоклеей возложили на ее плечи мантию... Две минуты – и чин коронации свершился...

И Елена встав – снова опустилась – уже на трон... Тем временем снаружи на балкон паперти, протодиакон московского собора Семенов, и с громогласно на всю площадь, прочитал послание Святейшего Синода о Высочайшей коронации.

Затрезвонили колокола, молящиеся принялись истово креститься, и среди леса хоругвей шествие обошло кругом собора, со всех церквей города Владимира двинулись крестные ходы образуя единый грандиозный ход с архиереями, навстречу им выходит на паперть митрополит и все остальные архиереи и архимандриты.

Вот все... Еще одно дело сделано...

...Послезавтра вечером они уезжают в Москву – думал Георгий – выходя под восклицания толпы и медный гуд из собора. А завтра после встреч с ним начнут разъезжаться и гости... Еще предстояло раздать особые донативы – коронационные рубли и памятные знаки.

На лицевой стороне серебряных рублей был выбит профильный Елены: работа молодого, но уже подающего большие надежды гравера Антона Васютинского.

На реверсе изображены царские регалии в венке. В обрамлении лавровой и дубовой ветвей, перевязанных двойной лентой, скрещенные скипетр, украшенный золотым двуглавым орлом и меч, в центре – держава, выше – императорская корона, украшенная лентами. Над короной надпись сообщавшая номинал монеты "Рубль» и надпись». Елена Филипповна Императрица Всеросс. Коронована во Владьмире 1890 г.» Была еще бронзовая медаль с изображением Владимирского Успенского собора. Ею наградили всех состоявших на действительной службе от генералов до солдат и сельских стражников, что обеспечивали порядок на торжествах; всех лиц, принимавших участие в работах по приготовлению и устройству торжеств; а также всех сословных и других представителей, бывших во Владимире. Новшеством было то что согласно акту Капитула орденов награждали ею также и женщин. Носить медаль пола-

галось на анненской ленте – а женщинам – на екатерининской – это была мысль не Елены Филипповны как говорили в обществе, а Марии Федоровны.

* * *

В конце Литургии было совершено Помазание Императора и Императрицы святым миром и затем причащение Святых Таин. Государь приобщался в алтаре, у Трапезы по Царскому чину (отдельно Тела и Крови).

В день Коронации в С-Петербурге во всех храмах были отслужены Литургия и благодарственные Молебствия; столичные храмы не могли вместить всех богомольцев, ввиду чего были отслужены Молебны также и на площадях у ряда соборов и некоторых церквей, а также в Конно-гвардейском манеже столицы.

Коронация явила миру Божественную Красоту веры Православной, непобедимую силу и величие в Боге Русских Царей и невиданную любовь Русского народа к своим монархам.

«Синодальные ведомости»,

* * *

Следующим днем на обширном лугу за городом было устроено народное гуляние. Пятьдесят тысяч народу собралось на него! Оркестры, песенники, акробаты, фокусники, круги хороводов, скачки на неоседланных лошадях развлекали народ. Еда на столах и пиво из бочек выставлялись за счет купечества города и губернии.

Рано утром 5 июня, до отъезда Их Величества посетили прежде всего собор, где был отслужен молебен, и приложились ко святому кресту.

Один столетний старик умолял как о милости дозволить ему приблизиться ко Государю и Государыне. По милостивому соизволению Её Величества и осчастливленный ласковым словом Августейших Особ, счастливый крестьянин со слезами на глазах выражает надежду умереть теперь спокойно, удостоившись хотя раз в своей долгой жизни быть в присутствии Их Величеств...

«Голос»

* * *

Был Косаговский, приехал с Сувориным с церемонии коронации и свадьбы. Оба говорят, что торжественности мало, что какой то лубок и Сорочинская ярмарка разом.

Рассказывают, что свита уговаривала наследного принца прусского не ехать; на это Его Высочество Генрих сказал – «Королям приходится делать и неприятные дела». Его высочество можно понять – Германский царствующий дом ставил себе задачей устроить свадьбу своей принцессы с нашим монархом; однако французы и британцы боятся сближения России с Германией и супруга Георгия похоже готова к их услугам.

Приехал Е. Говорит, что Москва недовольна тем что церемония прошла в другом городе.

Его владимирский знакомый говорит что городское общество рассчитывало что визит будет иметь благие последствия для города. Увы – все лишь пригладили внешне – как румянами и пудрой омолодили старуху – и вскоре старинный город вернется к прежнему.

Однако отметил что угощение на празднике было недурным – воровать по крайней мере не давали. Раковая ушница и жареный поросенок которых он отведал были вкусны.

Вообще же добавил общее мнение – государь в сущности неплохой, хотя уже испорченный юноша, окруженный мошениками из которых три первых – его министры Вышнеградский, Витте и Чихачев.

Александр Богданович «При четырех императорах» Париж, 1933 год Издание второе

* * *

Два дня спустя. Владимир

...Вы Ваше Величество возможно неверно понимаете настрой Германии. Что скрывать – моя семья и я тоже – да и вся империя – был бы польщен если бы женой государя всероссийского стала бы принцесса из дома Гогенцоллернов.

Однако – в мире не все соответствует даже королевским и императорским желаниям (Тем более как известно всей Европе это был не ваш выбор, – про себя едко добавил принц Генрих.) И деликатно взял из вазочки маслину.

...Со смотровой площадки городского парка открывалась великолепная панорама князь-минских просторов. Бескрайние заливные луга, темнеющие вдали леса создавали чувство какого-то абсолютного простора и величия.

Ни горожанин ни гость не смог бы удержаться от того чтобы постояв и умилившись сердцем не сказать – вслух или про себя – «Какая же красота, Господи!»

Здесь царь и решил устроить неофициальный прием.

...Вообще то изначально была мысль – установить тут шатер – алый с вышивкой и там встречать гостей... В конце концов прежние цари не видели ничего особенного в том чтобы принимать знатных гостей в армейских палатках на всяческих маневрах. Но в итоге было решено что встречи пройдут под искусно сделанной беседкой, украшенной флагами империи, установленной на площадке.

И сейчас за плетёным столиком сидел молодой господин с породистым лицом украшенном аккуратной бородкой а-ля Генрих IV (что было особо символично ибо звали его Генрихом) и в мундире с золотыми эполетами – с вышитыми орлами – одноглавыми.

Георгий отчего то вспомнил спор в церемониймейстерской части относительно статуса гостя.

А именно – титуловать ли прусского принца – Его королевское высочество – как сына короля прусского или же все же Его императорское высочество? В итоге было решено что если назвать королевское высочество императорским беды не будет. Сам Генрих не зная о столь забавном казусе вокруг своей особы продолжил разговор.

– Да – в мире не все соответствует даже королевским и императорским желаниям, – повторил принц. Но куда больше – не скрою – нас тревожат знаки недоброжелательства вроде недавних маневров у нашей восточной границы...

...Генрих был старше Георгия почти на восемь лет – но пока ничем не прославился. Жил в Берлине и Дрездене, в придворных развлечениях почти не участвовал – являя скорее тип замкнутого служаки нежели светского человека.

Окончил кассельскую гимназию и поступил на военно-морскую службу. Два года учился в Военно-морской академии. С 1888-го Его высочество Генрих – командир императорской яхты «Гогенцоллерн», затем – крейсера II-го ранга «Ирина», броненосца береговой обороны.

С оттенком грусти Георгий подумал что примерно такая же карьера ждала его – если бы все в его жизни пошло так как следовало бы – а не как устроила слепая судьба и разгильдяи-железнодорожники. Хотя скорее всего дядюшка Алексей Александрович нашел бы ему необременительную и тоскливую службу на берегу – среди штабных геморроидальных бородачей-кавторангов и каперангов и бумаг – когда какое нибудь требование на новую шлюпбалку

взамен сломанной, или патрубки к котлам Бельвиля – или на десяток фунтов гвоздей должно было быть согласовано у дюжины столоначальников.

Годам к тридцати – тридцати пяти получил бы почти таких же адмиральских орлов и брюшко, по обычаю Семьи завел бы себе одну, а то и двух балерин, а до того – женился... да хоть на Алисе Гессен-Дармштадской.

Георгий отогнал уводившие куда то не туда мысли.

– Вы ошибаетесь как видимо и ошибается мой брат император Вильгельм. Как вы могли подумать что Россия хочет войны? Мы ее напротив – опасаемся – тем и объясняются маневры. Договора перестраховки увы – больше нет. Поэтому я проверял войска и их готовность к войне. В конце концов – разве это я расторг вышеупомянутый договор – ради того чтобы устроить означенные маневры? И уж явно не мы создали ситуацию при которой любая ваша свара с третьей страной или мое столкновение с кем-нибудь способна вызвать кровавую войну! – желчь таки прорвалась его голосе.

– Что тут можно поделат? – кивнул принц. Лично я бы не стал совершать столь решительного разрыва с прошлой политикой. Но мой царствующий брат думает иначе. Кроме того – он крайне отрицательно относится к тому что связано и именем бывшего рейхсканцлера. И я склонен его понять – ибо герр Бисмарк в последнее время и в самом стал забываться – покачал головой Генрих Гогенцоллерн. Георгий знал о чем идет речь. Еще с 1886 года европейская пресса периодически обсуждала положение, создавшееся в Германии: укрепление русской границы, ограничение гласности в судебных делах, «Закон о социалистах», введение водочной монополии... Буквально каждое решение некогда всемогущего канцлера вызывало шквал критики. Дело дошло до того что выдрессированный и по-армейски послушный рейхстаг – положение о котором разрабатывалось к слову именно Бисмарком – оказался в оппозиции законопроектам канцлера. Пошли даже слухи о намерении Бисмарка произвести государственный переворот...

– Ваш новый канцлер в своем неуёмном желании уязвить Россию сорвал нам размещение займа на Берлинской бирже в восемьдесят девятом году тем самым послужив толчком ко всем событиям. (И зачем вы сделали все чтобы остаться без верного друга в моем лице мне лично не понятно... – фраза так и осталась невысказанной)

– Однако если Его Императорское величество ваш брат пожелает возобновить упоминавшийся договор – за Россией дело не станет.

Я доведу до сведения моего брата ваши слова Ваше Величество...

– Но кроме того Ваше Величество – мы не можем игнорировать недовольства нашего венского союзника спорами с вашей страной из за балканского вопроса... – продолжил Генрих, – он был уязвлен, но партию следовало доиграть до конца.

– И опять вынужден возразить – ибо такая постановка вопроса глубоко неверна, – произнес Георгий в ответ. В отличие от моего отца или деда я не считаю что мы должны куда либо вступать из-за панславистского вопроса пока не затронуты наши жизненно важные интересы. А на Балканах их пока во всяком случае я не вижу.

И это как раз Двухединая монархия, а не Россия хочет дальнейших приобретений на Балканах... Хотя видит Бог я не очень понимаю – какой интерес Вене в этих бедных горах с живущим на них темными диковатым народами? – продолжил император. Однако зачем их поддерживать Германии? Или... – Георгий улыбнулся... кто-то полагает что австрийцы подарят Германии хотя бы квадратную версту из своих приобретений? Сербия или Болгария стоят крови немецких гренадеров или моих?

– Разумеется мы так не думаем! – с готовностью кивнул Генрих.

И про себя усмехнулся.

Все-таки Германии похоже сильно повезло с русским монархом – молод и наивен и не способен (и дай Бог не будет еще долго способен!) увидеть всю глубину происходящего.

Конечно делиться с Германией ни уже взятой Боснией, ни Македонией с Албанией которые венские родственнички еще только видят во снах никто не будет.

Но зато это сильно облегчит идею строительства железной дороги из Германии на Ближний Восток – через Османскую Порту и до Багдада, а от него – к Персидскому заливу. И по этой дороге в Азию хлынет поток германских товаров, поедут купцы, миссионеры, а в случае войны и солдаты – почти что к воротам Индии!

Однако – с этим договором в самом деле вышло не очень хорошо. И как ему быть – обнадежить ли молодого Романова ли промолчать? Ибо как он знал – к сожалению война многим считается неизбежной. Да еще эти новые веяния...

Ему доводилось не раз и не два слышать – мол схватка «германской расы» со славянством в лице России не за горами.

Генрих внутренне помрачнел. Как человек с военным образованием он осознавал разумеется что война может закончиться и поражением. Из за чего же воевать с Россией – из за польских песков да болон и остзейских каменистых подзолов продуваемых морскими ветрами?

Так или иначе обе августейшие особы и троюродных брата расстались почти довольные друг другом – Георгий оттого что счел что Генрих даст советы кайзеру не слишком ссориться с Россией, а Генрих Прусский – что во главе России оказался не слишком опасный противник.

Следующим гостем оказался Роберт Артур Толбот Сесил, министр иностранных дел британской короны.

Пока лорд Артур вкушал любезно поданный ему лакеем свежий пудинг с чаем и выражал восхищение пейзажами, Георгий вежливо кивал раздумывая – чего ждать от этого седого джентльмена?

Ему уже шестьдесят. Политик до мозга костей – прирожденный. В кабинете Ее Величества с 1865 года, когда занял в кабинете пост министра по делам Индии. Увлекался ботаникой и фотографией, а с недавнего времени – химией и исследованиям магнетизма. Любимыми аристократами увеселения вроде дерби или охоты он пренебрегал; разве что иногда играл на бильярде и в лаун-теннис.

А его имение – Хэтфилд было первым в Англии, где провели электрическое освещение, и одним из первых, где установили телефон.

Но это светские сплетни – а вот важное...

Осенью 1876 года Солсбери принимал участие в Константинопольской конференции. В отличие от Дизраэли, он считал, что не следует углублять разногласия с Россией, Старый лис Дизраэли споря с ним тем не менее отдавал ему должное говоря что Солсбери – «это единственный по-настоящему смелый человек, с которым мне когда-либо суждено было работать». К слову – именно стараниями Солсбери Великобритания тогда получила Кипр. Вот воистину позавидуешь – России никогда не везло так – получить прекрасный остров на перекрестке морских путей – не потратив по сути ни единого фунта стерлингов и ни единого снаряда!. (Все же многому нам бы не грех у бриттов поучиться...)

Старания его не остались незамеченными – королева Виктория удостоила его ордена Подвязки и в 1878 года Солсбери получил портфель министра иностранных дел.

Разговор тем временем перешел с красот природы на взаимоотношения Англии и России сразу перескочив на турецкий вопрос.

Георгий только про себя улыбался выслушивая заверения лорда в том что Англия желает лишь мира и равновесия – только одного мира ничего кроме равновесия. И само собой неприкосновенности границ российских как и османских. Вот с этого конца мы и зайдем...

В дни Берлинского конгресса в 1876 году Англия обнаружила что дело движется к разделу Османской империи без участия Великобритании. Казалось, Россия одержала полную дипломатическую победу. Ее поддержали не только Австро-Венгрия и Германия, но и Фран-

ция, – даже в самой Британии раздавались голоса – что незачем тратить силы на поддержку «больного человека Европы» к тому же режущего собственных подданных...

Дизраэли – учитель и патрон сидящего перед ним человека писал тогда – «Если мы не сделаем все, что в наших силах, чтобы действовать совместно тремя северными державами, они смогут действовать без нас, что не является приемлемым для государства, подобного Англии».

Напуганный тенью нового континентального союза, Дизраэли однако провел хитроумную игру и тайно предложил послу Шувалову не много ни мало – решить «Восточный вопрос» без участия Австро-Венгрии. Шувалов соблазнился, позволив себя втянуть в обсуждение возможного англо-русской плана действий – продолжавшееся целый месяц. А в конце концов выяснилось, что Дизраэли желает чтобы Россия отказалась от помощи балканским славянам и позволила Турции подавить их восстание.

А между делом Дизраэли старался довести отношения России с Австрией до полного разрыва, обещая к тому же что Лондон поддержит австрийскую оккупацию Боснии и Герцеговины... И когда война завершилась Сан-Стефанским миром Австро-Венгрия объявила о непризнании договора и призвали обсудить балканский вопрос на новом конгрессе с участием «всех заинтересованных держав». После чего появился «честный маклер» Бисмарк и Россия лишилась многих плодов победы...

Попробуем ударить по бриттам их же оружием – тем более что Вена сейчас больше смотрит на Берлин.

– Что касается равновесия и мира, – как бы между прочим отметил Георгий воспользовавшись паузой в речи Солсбери – то всякий беспристрастный человек поймет что не Россия готова его нарушить. Как вы знаете я отменил строительство броненосца на Черном море в знак своих добрых намерений и вывожу осадную артиллерию из Одесского округа.

Россию устраивает нынешний режим Проливов – но мы мы будем всеми силами защищать их неприкосновенность. Мы не имеем планов захвата Константинополя (сейчас – точно не имеем, милорд! – иронически промелькнуло в голове новобрачного). Но в случае попытки любой державы оккупировать Босфор и Дарданеллы Россия однозначно воспримет это как казус белли.

– Давайте лорд условимся что мы будем разговаривать на газетными цитатами, а языком реальной политики. Например забота о целостности Османской империи со стороны вашей страны отторгшей часть Османской империи – выглядит довольно странно, но с точки зрения не газет, а реальных интересов было бы наивно не понимать где находятся реальные интересы Великобритании. Вам нужен Суэцкий канал, да и нам он полезен. Английский войска в Египте реальность и мы это сознаем.

Вена весьма желает дальнейших земельных приобретений... сообщил Георгий вспомнив разговор с пруссаком. Вена – а не мы! Она не прочь получить кроме Триеста и Фиуме другие выходы к Средиземному морю – к примеру Салоники.

Сведения об австрийских военных планах донесло ведомство Шебеко – источник сколь помнится был сомнительный – салонные разговоры штабного офицера в Вене. При этом он разумеется не собирались воевать с турками уже завтра – но интерес к движению на юг у австрийков был и недвусмысленный. Боснии им явно было мало.

Зная как – он в последний момент опустил слово «ревниво» – Британия относится к безопасности черноморских проливов я не думаю что в ее интересах появление австрийского флота рядом с ними.

– Я согласен с вами – только европейский концерт имеет право решить судьбу черноморских проливов, – произнес лорд несколько огоршенный такой откровенностью. Но полагаю слабые османы контролирующие проливы лучше для всех и для вас в том числе. И полагаю Ваше Императорское величество что и Россию не порадует австрийская морская база побли-

зости от выхода из Черного моря, – англичанин несмотря на внешнее спокойствие был озабочен новостью. Ибо где австрийцы – там легко могут появиться и их берлинские друзья.

– Безусловно – и думаю что Британия и Россия могли бы совместно предотвратить нежелательный для наших держав ход событий.

И не только в части ситуации на Балканах, – как бы ставя точку сказал царь. У вас же имеются трения с Парижем по африканскому вопросу. И здесь Россия тоже могла бы оказать посильное содействие.

Как он знал от Гирса англичане нуждались в дипломатической поддержке против французов в Египте, и в Магрибе.

– Но правильно ли я понял что Вы готовы будете поступиться французским интересами... Ваше императорское величество? – несколько опешив осведомился Солсбери. Интересами вашей как все убеждены без пяти минут союзницы?

– Милорд Артур – усмехнулся Георгий – во первых мы **пока** еще не союзники – во всяком случае договоры об этом не подписаны. Во вторых же... А во вторых – разве вы видите перед собой государя Франции? Я не готов поступиться интересами России – сие к слову не значит что я не готов к компромиссам.

И как если хотите аванс... (он на секунду засомневался – уместен ли в беседе царя с министром другой империи такой картежно-торгашеский термин. И про себя жестко улыбнулся – **он** может себе это позволить.)

– И как если хотите – аванс – мы готовы признать за Англией исключительное влияние в Афганистане и лежащих землях Памира.

– Я даже не знаю что сказать Ваше Величество... – разговор явно приобрел для англичанина неожиданное течение. При вашем августейшем отце именно из-за этого вопроса имел место кризис восемьдесят шестого года.

Георгий представлял о чем идет речь – четыре года назад вдруг сильно обострились отношения между Англией и Россией. Все произошло как раз из-за афганской границы и в частности событий вокруг города Герата. В газетах тогда почти ежедневно упоминался «афганский вопрос». А в петербургских салонах невесело шутили что России грозит война, неизвестно только кого с кем: «с белыми медведями, с индийскими слонами, с Англией, с афганскими верблюдами» – как выражались фельетонисты.

«Вся эта манная каша заварилась из-за какого-то Герата!» – грустили придворные глядя в сторону Финского залива словно с минуты на минуту ожидая там появления английских крейсеров.

И как раз тогда никто иной как Солсбери пытался привлечь на свою сторону Бисмарка – англичане просили посредничества Германии в разрешении афганского пограничного конфликта. Бисмарк тогда не принял эти предложения. Впрочем, вскоре был подписан англо-русский протокол о границе...

– И не скрою – мне радостно слышать что вы стремитесь исправить прошлые ошибки... – Солсбери был в растерянности...

– Однако *Мы* считаем что правый берег рек Пяндж и Амударья есть граница владений России. Русским войскам в Туркестане отдан приказ – выбить любые китайские и афганские отряды на левый берег и выйдя на удобные позиции закрепиться и далее не идти. Любые попытки прорывов афганских войск будут пресечены. Прошу Вас довести это до сведения **вашего** эмира Афганистана.

В отношениях между нашими странами я считаю принцип «каждый да владеет своим» наилучшим. Опираясь на него нам и следует разобраться с пограничными и прочими вопросами.

Солсбери задумался... Давно уже было ясно что британская внешняя политика в последнее время буксует – отчего акции Форин-оффис – а значит и его акции, падают.

Именно сейчас шли долгие и непростые переговоры с Берлином – об обмене стратегически важного Гельголада на африканские земли. Они были близки к успеху – но пока что успеха еще не было. И если вдруг в последний момент все пойдет не так как ожидалось... Ведь много обещавший пакт с Италией не дал ничего существенного и Австрия тоже ограничилась нотой марта 1887 года в которой, говорилось только о дипломатическом сотрудничестве и не содержалось никаких обязательств. Да еще Адмиралтейство подняло шум что дескать министр иностранных дел собственными руками отдает ключ к Северному морю.

Но Германия еще не признала английский протекторат над Занзибаром и проявляет недвусмысленный интерес к Кении, Уганде и верховьям Нила.

Если бы его гельголандская интрига уже имела успех... Тогда бы он имел куда более твердые позиции в разговоре с этим юношей в мантии – мантия ведь еще не делает человека государем. Но чего не того нет.

А значит не будем пренебрегать открывшимися возможностями.

Успехи дипломата складываются из микроскопических преимуществ: из толкового предложения здесь, из своевременной вежливости там... Будем вежливы с молодым царем – и привезем в Лондон успех в Центральной Азии. Видимо царь нацелился на Китай оставив мечты о походе к Индийскому океану.... Посмотрим...

Проводив лорда Солсбери Георгий затребовал у лакея рюмочку шустовского коньяку на рябине. И стал готовиться ко встрече с японским дипломатом.

* * *

...Теперь мы снова вернемся к цесаревичу Николаю. Не побоюсь этого сказать – но в его лице мы видим наиболее подготовленного к роли государя всероссийского наследника престола за два века Петербургского периода отечественной истории.

В 1877 году, когда Николаю Александровичу было девять лет и он перешел из женских рук в мужские, его главным воспитателем стал пятидесятидвухлетний генерал от инфантерии Григорий Григорьевич Данилович, директор 2-й Санкт-Петербургской военной гимназии, составивший, а затем и осуществивший программу обучения цесаревича. Однако действительным наставником и воспитателем Николая был учитель английского языка Хетс – очень одаренный и очень обаятельный человек, преподававший еще и в Царскосельском лицее. Ему Николай был обязан великолепным знанием английского языка и любовью к спорту «Карла Осиповича», как обычно называли мистера Хетса, можно было считать и воспитателем, и нянькой, ибо он глубоко был предан всей семье, приютившей его, и искренне любил своего воспитанника. Он был чистейшим идеалистом, прекрасно рисовал и занимался многими видами спорта. Особенно любил он конный спорт и сумел передать любовь к нему Николаю, тем более что цесаревич с удовольствием служил в лейб-гвардии гусарском полку.

Когда Николаю Александровичу пошел девятый год, его царственный дед взял его с собою на смотр и поставил в ряды первой роты лейб-гвардии Павловского полка, хотя формально военная служба началась для цесаревича годом раньше: по примеру старых времен, он был семилетним ребенком записан в лейб-гвардии Эриванский полк и через год получил там же первый офицерский чин прапорщика. Он проходил курс гимназии, где, помимо всех обычных премудростей, изучал не два живых языка, а четыре: английский, немецкий, французский и датский. Последний был родным языком его матери, и он знал, что когда посетит своих родственников в Копенгагене, сможет изъясняться и по-датски. Языки давались Николаю Александровичу легко, и он с удовольствием занимался ими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.